

Река времени

Саратовская елка (1840–1980-е гг.)

FUGIT IRREPARABILE TEMPUS

Альманах, 2025

Екатерина Афанасьевна Шишкина,

внештатный сотрудник
школьного музея гимназии № 1

Дорогие друзья!

У Вас в руках очередной номер альманаха школьного историко-краеведческого музея Боевой и Трудовой Славы.

Мы продолжаем знакомить вас с историей своего родного края. Очередной номер альманаха посвящен истории Нового года в Саратове с 1840 по 1980-е гг. С большой любовью по крупицам собрала для нас этот материал внештатный сотрудник школьного музея Екатерина Афанасьевна Шишкина. Кандидат исторических наук Юрий Геннадьевич Степанов пишет: «С огромным интересом и увлечением прочел Вашу "Елку". Замечательно написано! Говорю совершенно искренне, мало что в последнее время читал написанное так талантливо и с настоящим чувством! И композиционно, и содержательно всё сделано на высшем уровне. Вы очень органично объединили нашу общую историю со своей личной. Получилось по-пушкински: "и жизнь, и слезы любовь". Здорово! Само повествование (именно так, старым русским слогом, хотел бы назвать Ваш текст) написано прекрасным русским языком! И очень много для себя узнал нового, иногда удивительного и неожиданного. Например, о сочетании спиритических сеансов с деревенским гаданием. Как всё-таки причудлива наша история!»

Надеемся, что и вы с удовольствием прочитаете наш альманах.

Альманах «Река времени»

историко-краеведческое издание гимназии № 1 г. Саратова, 2025, № 5.

Тираж 100 экземпляров. Изготовлено в медиацентре гимназии № 1
г. Саратова.

Автор Е.А. Шишкина «Саратовская елка (1840–1980-е гг.)». Дизайн и
верстка Г.В. Еременко. В авторской редакции

*Опять ты зажглась, новогодняя елка.
Опять ребятишек в кружок собрала,
И звезды сверкают в душистых иголках
И песенка наша опять весела,
Нет лучше подарка, желанней и краше!
Тобой, долгожданной, любимся мы,
Красавица елка, любимица наша,
Зеленое дерево белой зимы.*

Р. Кудашёва

*Воспоминание о «ёлке» оставляет неизгладимый
след на впечатлительную душу ребенка.*

Д.Д. Семёнов

Новый год был самым радостным и необычным праздником для всех советских ребятишек – эти строки я написала от собственного имени. Но рассказ начнется не с описания саратовских праздников, а с домашней елки, наряженной изысканными немецкими елочными игрушками. Сохранилось три ее фотографии: Германская демократическая республика, 1958 год вступает в свою жизнь. Мне три с половиной года (фото 1–3).

Фото 1. ГДР 1958 г.
Сестры Васильевы

Фото 2. ГДР 1958 г.
Т. Стробыкина и
А. Васильева с дочерью Катей

Фото 3. ГДР 1958 г.
Света Васильева

На одном фото – елка, две мои сестры, соседская девочка; на другом – мама, наша соседка и я, на третьем – моя сестра Света в костюме Снежинки в смешном головном уборе и с накладной бородкой. Красота елки, платьев,

новогодних костюмов (видно, как расстарались мамы) и, главное, – счастливые лица детей и взрослых. Так, в мое сознание, трехлетнего ребенка, входит жизнь – и не ясно, я это помню реально или в мою память вошли изображения на фотографии и рассказы мамы. Удивительны повороты судьбы: именно в Германии (причем протестантской ее части) – на родине Рождественской елки – я встретила свой первый и самый счастливый Новый год.

Исходя из воспоминаний жителей города Саратова, и не только их, ясно, что Рождество и Новый год дарили счастье праздника детям во все времена и, поскольку фраза звучит несколько претенциозно, то определимся с временными рамками описываемых событий – это XIX (ближе к середине) и XX век (советский период).

В основу сочинения легли мемуары саратовцев о праздновании Рождества (Нового года), начиная с 40-х гг. XIX века, воспоминания моих сверстников, а также мои личные размышления. Автор попыталась не только привести этнографические, художественные и иллюстративные сведения о празднике, но и, по возможности, проследить, как менялось празднование Рождества – Святки – Нового года в разные годы и в связи с изменениями политического устройства.

О Рождестве и Новом годе писали многие прозаики, публицисты и поэты. Во второй половине прошлого века были написаны и опубликованы замечательные книги С.Б. Адоньевой «История современной новогодней традиции»; Е.В. Душечкиной «Русская ёлка: История, мифология, литература» и А. Сальниковой «История елочной игрушки. Или как наряжали советскую елку». Важнейшими интернет-источниками следует считать лекции В. Боковой, доктора исторических наук, сотрудника Исторического музея – «От Рождества до Крещения. Зимние праздники в России XVIII – нач. XX века». В интернете имеются видеолекции «Новый год от Сталина до Путина: как возникает традиция»; «Рождество. Традиции России»; «Рождество, Новый год, Сатурналии, Йоль: история зимних

праздников» и «Святой Николай, Санта Клаус, Дед Мороз – исторический взгляд». Сложнее определить жанр видеосюжетов Ю. Большаковой, свободного блогера – из серии «История культуры и бескультурия», в которые входит передача под названием «Сатурналии – за века до Рождества и современного Нового года», но от этого они не теряют своей оригинальности и исторической точности. Касалось, что можно добавить к уже написанному и сказанному? Однако, во-первых, нами выбран региональный аспект проблемы, во-вторых, часть приведенных воспоминаний еще не опубликована и, наконец, уходят люди, которые были детьми в 50-е годы прошлого века, а с ними уйдет и саратовское советское прошлое с его важнейшей составляющей – Новогодней Елкой.

Автору хотелось описать праздники для детей и взрослых всех социальных групп жителей саратовской губернии, но сделать это можно было только с учетом имеющихся источников, поэтому в полном объеме задачу выполнить не удалось. Так, не найдено каких-либо сведений с описанием Елки в городской мещанской среде, да и саратовское духовенство представлено более чем скромно в воспоминаниях двоюродной сестры Н.Г. Чернышевского Екатерины Николаевны Пыпиной (Беседы о прошлом (рассказы Е.Н. Пыпиной в записях Н.М. Чернышевской)).

Видимо, в самом начале стоит сделать историческое отступление. Появление, я бы сказала, элементов новогодней елки как составляющей новогоднего праздника произошло при первом российском императоре Петре I (в 1699 году он носил только титул царя). Согласно его указу, предписывалось вести летоисчисление не от Сотворения Мира, а от Рождества Христова, а день новолетия перенести с 1 сентября на 1 января. Укрепившийся в течение XVII века чин летопроизводства, который «совершался после утрени вне монастыря или церкви», пришедший на смену 1 марта (день памяти преподобномученицы Евдокии) и приобретший форму грандиозного повсеместного действа, напоминающего мистерию, был запрещен. От бывшего некогда пышного всенародного моления

сохранилось скромное церковное новолетие – «начала индикта», которое в настоящее время по-прежнему отмечается 1 сентября по старому стилю, в день памяти преподобного Симеона Столпника.

Петр I, не без влияния европейской традиции, велел пускать ракеты, зажигать огни и «украсить дома от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных». Но до елки в доме было еще далеко, ведь украшались дома снаружи, а не их интерьеры. Со смертью императора светский праздник заглох, да и сам Петербург зарос сорняками с отъездом двора Петра II в Москву. Как ни странно, еловые ветки как украшения прижились только на кабаках и трактирах. Отсюда стойкий фразеологизм: «Пойти к Елкину», то есть в кабак.

К этому времени в некоторых европейских странах и, прежде всего, у немецких протестантов сложилась рождественская традиция ставить на стол, покрытый скатертью, небольшое «рождественское дерево», к ветвям которого прикрепляли свечи и развешивали сласти – яблоки, орехи, конфеты, пряники; а под ним раскладывали подарки для детей.

Празднование Нового года в Российской империи до конца XIX века распространенным не было потому, что население в своем большинстве исповедовало православие, поэтому широко отмечались двенадцатый праздник – Рождества Христова и последующие за ним Святки. До 1917 года в стране православные отмечали Рождество 25 декабря, а Новый год приходился на 1 января и совпадал с праздником Василия Великого (Обрезания Господня), весьма почитаемого в России. К сожалению, эта логичная последовательность была нарушена в связи с реформой календаря: 24 января 1918 года Совет Народных Комиссаров принял «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря», документ, подписанный В.И. Лениным – председателем Совета народных комиссаров (СНК), на следующий день был опубликован и вступил в действие. При этом Русская Православная церковь, не приняв реформы, стала отмечать Рождество 7 января по юлианскому календарю. Следует

отметить, что большинство автокефальных православных церквей в настоящее время празднуют Рождество 25 декабря – это Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Румынская, Болгарская, Кипрская, Элладская, Албанская, Чешских земель и Словакии, Американская православная церковь, Православная церковь Украины и Украинская грекокатолическая церкви. Русская Православная церковь, наряду с Грузинской апостольской автокефальной православной, Иерусалимской православной и Сербской автокефальной поместной православной Церковью на фоне этого списка выглядит скорее исключением.

Таким образом, современные россияне отмечают 31 декабря праздник Нового года, а через неделю – Рождество. Получается, что сначала наступил новый год, а потом явился миру Иисус Христос, от рождения которого и идет европейское, и не только, летоисчисление. Кроме того, для современных православных россиян Новый год приходится на Филиппов пост и хорошо, если 31 декабря не совпадает со средой и пятницей, днями строгого поста.

Как было отмечено выше, со времен принятия христианства на Руси весело отмечали Святки, которые длились с 25 декабря – Рождества Христова до 6 января – Крещения Господня.

В эти дни обязательным было посещение церкви, помимо служб в храме, сельские батюшки ходили по домам своих прихожан. В своих «Воспоминаниях сельского священника. Быт и нужды православного духовенства» священник А. И. Розанов, служивший в нескольких сельских церквях Саратовской губернии, так пишет об этом: «Пришел день воспоминания пришествия на землю во плоти Спасителя мира, – и священник, как ангел, как вестник Божий, возвещает эту всемирную радость в жилищах его паствы, – славит родившегося Христа. В день крещения Господня пастырь освященной водой, изображающей, как бы, ту воду, в которую погружался Господь при крещении, опять ходит по домам паствы

его и окропляет и пасомых, и их жилища». Однако в наше святочное повествование следует добавить и ложку дегтя, исходя из текста этих воспоминаний. «Пришли дни Рождества Христова и Богоявления, – повествует служитель церкви, – хочешь ли ты, чтоб я пришел к тебе с крестом и Св<ятой> водой, не хочешь ли, – это мне всё равно, я всё-таки приду, и хоть грош, а заплати. Мне самому это невыносимо больно... но что же я буду делать, когда мне не дано никаких других средств к моему существованию? Я брошен в мир без дома, без хлеба, без денег». Всем своим читателям я настоятельно рекомендую прочесть эти горькие воспоминания, чтобы объективно оценить многотрудную службу сельских батюшек и получить объективную картину жизни саратовской деревни во второй половине XIX века. Но вернемся в наши праздничные дни.

Молодежь на Святки ходила колядовать, особенно в сельской местности, катались на санках на специально сооруженных горках, совершали парадные выезды за город на лошадях и непременно ходили в гости. Славление Христа – очень древний обычай, свое название он получил от ангельского песнопения: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение». Обычай славления сохранился в саратовских деревнях до конца 70-х годов прошлого века. До революции славили не только дети, но и взрослые; славили все – богатые и бедные, знатные и незнатные, разве что дворяне заменяли славление визитами друг к другу, но славильщиков всегда ждали и принимали с большой радостью все, ведь свершалось чудо – рождался Богомладенец. Славильщики, как правило, собирались небольшими группами, которых могло быть даже в небольшой деревне несколько. Дети, часто под руководством взрослых, заранее делали из разноцветной бумаги фонарик в виде звезды, зажигали внутри него свечку и ходили по домам с песнопениями: тропарем «Рождество Твое, Христе Боже наш!» и кондаком «Дева днесь Пресущественного раждает...», при этом могли звучать и любые другие христианские песнопения. Для невоцерковленного читателя, помня собственные попытки разобраться со

смыслом текста, хочется привести слова Рождественского тропаря с его переводом с церковно-славянского языка:

Рождество Твое Христе Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служащий, звездою учахуся, Тебе кланяться Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока: Господи слава Тебе.

Рождество Твоё, Христе Боже наш, озарило мир светом истины, (ибо) через него служащие звёздам звездою научились Тебе поклоняться, Солнцу правды, и знать Тебя, с высоты Восходящее Светило. Господи, слава Тебе.

Хозяева выходили из дома и одаривали христославов пирогами, сладостями или копейками. Ни о каких елках как наряженных, так и не наряженных речь при этом не шла.

Мой муж – Шишкин Александр Васильевич (1955 г.р.) рассказывал, как проходило славление в деревне Елань Ртищевского района в 60-е годы прошлого века. Сначала он старательно учил с бабушкой Рождественский тропарь (его он помнит до настоящего времени), мать одевала его во всё самое лучшее и чистое, затем вместе с одноклассниками и соседями он ходил по избам и славил Христа (скорее всего, не понимая, что означают слова): всех детей пускали в дом, одаривали каждого конфетами и пряниками, а иногда каждому давали 10–15 копеек, а поскольку проходили всю улицу, то мог набраться целый рубль – немыслимо большая для сельского мальчишки сумма. И это было именно славление Христа. Он помнит, как строгая старуха Леонилла ставила посередине избы табуретку, стелила на нее кожух мехом наружу и внимательно слушала. Попробуй спеть с ошибками – никаких подарков не видать.

А вот традиции, когда в деревне из дома в дом ходили ряженные, на его памяти не сохранилось. Хотя отголосок обычая можно рассмотреть в новогодних костюмах, в которые наряжались ребяташки, даже в не очень сытые послевоенные годы. Интересно отметить, что ряженные были на сельских свадьбах – на второй день, они искали невесту и при этом устраивали целый спектакль. В настоящее время в некоторых деревнях,

например, село Ключи Б.-Карабулакского района, обычай славления сохранился. В дом моей двоюродной сестры в прошлое Рождество пришло около 50 детей всех возрастов. Каждый был со своим пакетом, в который хозяева клали сладости и мандарины, а те, кто хотел, давали и деньги. Любопытно, что в соседней деревне Максимовке этот обычай не сохранился. К сожалению – это уже не традиционный религиозный праздник: дети здороваются и поздравляют хозяев с праздником. В лучшем случае, маленькие ребятишки рассказывают стихи про елку.

Моя память сохранила и деревенские гадания на Святки. Хотя я жила в городе, в деревне жили мои дедушка и бабушки и другая многочисленная родня. Подростками на святки мы бросали валенок (почему-то в селе его звали чёсонок) за ворота: в какую сторону он носом упадет, в ту сторону и выйдешь замуж. Гадали на зеркало и свечку, но только самые смелые, считалось, что оттуда может выйти мертвец. Тут уж не до изображения суженого. Занимались и спиритизмом за вращающимся столом.

Православная церковь и сейчас и в прошлом, конечно, не одобряла гадания и запрещала. Но гадали – и много лет назад и сейчас. Уж ничего с человеческой природой, видимо, не поделаешь – всем хоть одним глазком хочется заглянуть в будущее.

В XIX веке в России возникает новая рождественская традиция, точнее сказать, она была заимствована у немецких протестантов, которые в Сочельник устраивали детский праздник. И так как у православных Сочельник приходится на последний день Филиппова поста, священники рекомендовали устраивать елку во время Святок, на второй или третий день после Рождества, однако в большинстве домов елку наряжали именно в сочельник. До внедрения в русский городской быт этой традиции подарки ребятишкам дарились на Новый год. Теперь самым большим подарком была, конечно, разукрашенная и сверкающая огнями (свечами) елка. Елочная игрушка таинственным образом превращала обычное дерево в волшебное, обычного кота в сказочного героя, а самую обыкновенную

репку в таинственное чудо. «Чудесное – волшебное дерево» – это не единственное значение слова, при этом не важно, что наряжалось – ель или сосна. Как печальный курьез я могу привести пример, когда наряжался веник, обычный комнатный, которым подметали избу. Об этом мне рассказал мой муж: его отец умер, когда ему было двенадцать лет, а сестре – восемь, семья, даже по деревенским меркам, не говоря о городе, была крайне бедной. Дети помнили, что, когда отец был жив, он привозил на колхозном тракторе деревья, которые наряжались в школе и сельском клубе, и для своих детей оставлялась маленькая елочка или просто веточки. Отца не стало, а жажда праздника осталось, вот ребяташки и ставили веник в перевернутую табуретку и украшали его самодельными игрушками. Я пишу эти строки, и у меня щемит сердце за моего мужа, который ходил в школу до десятого класса в тапочках – его мать, работая свинаркой без выходных (такой был график работы), не могла позволить себе купить детям приличную обувь. Вот так и появилась елка-веник. Эту историю не мешало бы разместить в Интернете для тех блогеров, которые воспевают «золотой век» – социалистическое прошлое.

Просматривая информацию по данной теме в комментариях к лекциям блогеров, я прочитала: «Моя бабушка росла в деревне в Казахстане, в нескольких километрах от границы с Китаем, в конце [19]40-х – [19]50-х гг. Там они каждый год перед Новым Годом ходили классом в горы, нарезали ветки можжевельника и во дворе школы втыкали их в столб, так что получалась “елка”. И наряжали». Другой комментатор делится своими воспоминаниями: «По поводу Средней Азии, у нас не растут елки, и мы наряжали пихту, тую, реже сосну». Неизвестного комментатора опровергает моя сестра, родившаяся в Ашхабаде: «В городе продавались привозные сосны и елки, а желающие могли купить искусственные елочки». Видимо, в разных республиках СССР «елками» служили разные деревья.

Начиная с 60-х годов прошлого века, в нашей двухкомнатной «хрущобе», как правило, устанавливалась пышная сосна на деревянной

крестовине. А также долгое время «жили» две диковинные елочки. Одна из Гусь-Хрустального – хрустальная, подаренная благодарным больным моей маме-врачу, и другая – искусственная с маленькими хорошенькими игрушками, видимо, привезенная из-за границы, судя по качеству стеклянных игрушечек на ней, обе – сантиметров по 20, не больше. Первую уронили, и она разбилась пополам, мой отец ее склеил, и посередине елочки проходила некрасивая коричневая полоса, которая портила ее вид и запомнилась мне на всю жизнь. Таких замечательных елочек я не видела ни у кого из моих подруг.

Есть у термина «Елка» и другое значение – это зимний детский праздник с елкой, хороводами, с Дедушкой Морозом и Снегурочкой, обязательными атрибуты советского праздника, и долгожданными подарками как на елке, так и из мешка Деда Мороза. Радостным гимном звучали слова моих родителей: «Дали пригласительные на Елку». Именно «пригласительные», прилагательное приобретало значение существительного. Да какого значимого! Как правило, городские детские Елки в Саратове устраивались во Дворце Культуры на Третьей Дачной и в городском Дворце пионеров, на них ходили ребяташки тех родителей, на работе которых Елки детям не организовывались, хотя это правило соблюдалось не всегда. И апофеозом звучало – ЕЛКА, если речь шла о Кремлевской Елке в Москве. Кандидатуры на нее обсуждалась на специальном заседании школьного комитета комсомола, а потом районном. Купить пригласительный на главную Елку страны было официально нельзя, по «пробить» по знакомству – можно. Давались ли «разнорядки» в сельские школы, мне не удалось выяснить, во всяком случае, мои родственники, живущие в сельской местности, об этом не рассказывали. Все мои ровесники и поколение моих родителей (жива моя тетка, которой в этом году исполнилось 95 лет) помнят и школьные елки, и те, что наряжались дома, речь, конечно, идет о послевоенном времени.

Как мы отметили выше, настоящее знакомство России с рождественской елкой и елочной игрушкой происходит во второй половине XIX века. Начиная с последней трети XIX века, елки стали устанавливаться повсеместно в общественных местах, прежде всего, в обеих столицах. Особенностью Рождественской елки было то, что в городских домах начали появляться привычные нам елки в середине XIX, в сельской местности в Российской империи они устанавливались только в школах и в имениях помещиков. В деревнях, как и на национальных окраинах, эта традиция берет начало с 1935 года, когда центральные власти СССР дали распоряжение о повсеместном праздновании Нового года, в декабре этого года и была установлена первая Елка в Москве в Сокольниках (подробно об

Фото 4. Детский сад г. Ашгабат

этом мы напишем чуть ниже). Традиция прижилась и, надо отметить, укоренилась полностью и бесповоротно. В настоящее время Новый год как детский праздник отмечается даже в «безъелочной» Туркмении в туркменоязычных детских садах и школах (фото 4).

Первой саратовской елкой, сведения о которой дошли до нас была Елка в доме на Армянской улице. По фамилии одного из своих владельцев он получил в саратовском краеведении название «Дом Федоровского», в нем с 1840 по 1846 год проживал саратовский губернатор А.М. Фадеев с семьей. К сожалению, здание было снесено в 60-е годы прошлого века, но фотографии его сохранились (фото 5).

О ней рассказала его внучка Вера Петровна Желиховская (1835–1896), известная в XIX веке детская писательница (фото 6). В повести «Как я была маленькой» она вспоминает о событиях раннего детства.

Фото 5. Дом Федоровского

Фото 6. В.П. Желиховская

Свое повествование, написанное в зрелом возрасте, автор ведет от имени пятилетней девочки, при этом текст не кажется ни наивным, ни искусственным. Погружение в детский мир с его переживаниями, радостями и печалью вызывает искреннее восхищение. Сравнить повесть можно только с произведением И. Шмелева «Лето Господне», в котором с не меньшей искренностью, присущей детям, описаны Рождество и другие православные праздники.

Фото 7. А.М. Фадеев

Семейная елка в доме бабушки-губернатора была устроена в начале сороковых годов XIX века. А.М. Фадеев (фото 7) находился на посту саратовского губернатора с 1841 по 1846 год, то есть датировка событий не вызывает никаких сомнений, а если учитывать дату смерти матери мемуаристки – Елены Андреевны Ган (Фадеевой), то рамки описываемых событий сужаются еще больше. А ведь только в 1840 году в газете «Северная пчела» за 25 декабря был опубликован следующий текст: «Мы переняли у добрых немцев детский праздник в канун праздника

Рождества Христова: Weihnachtsbaum. Деревце, освещенное фонариками и свечками, увешанное конфетами, плодами, игрушками, книгами составляют отраду детей, которым прежде уже говорено было, что за хорошее поведение и прилежание в праздник появится внезапное украшение...». Справедливости ради, следует привести, ссылаясь на исследователя А. Сальникову, сведения о том, что детские елки устраивались при дворе Павла I, чья жена была прусской принцессой, еще в конце XVIII века. Но, видимо, время елки еще не пришло для России, и эти праздники остались интимным событием в жизни императорской семьи. Так или иначе, происхождение праздника имеет немецкие корни, точнее речь идет о немцах-протестантах, так как для католиков, по настоящее время, характерно устройство на Рождество Вертепа.

Здесь было бы логично довести до сведения читателя, что отец Веры Желиховской – полковник Петр Алексеевич фон Ган был по происхождению прибалтийским немцем. Но в том то и дело, что речь идет не о рождественской елке в доме родителей, а в доме бабушки и дедушки, которые не имели никаких немецких корней, да и родственников немецкого происхождения, не считая двух своих зятьев, при этом последний имел предков – голландцев. Показателен факт, что перед венчанием их второй дочери Екатерины ее будущий муж Юлий Федорович Витте, отец известного государственного деятеля С.Ю. Витте и лютеранин по вероисповеданию, перешел в православие.

Семья Фадеевых, по словам их внука С.Ю. Витте, «была архиправославной», а бабушка – Елена Павловна Фадеева, урожденная княжна Долгорукова происходила от Григория Федоровича Долгорукова, сенатора при Петре I. В своих мемуарах он пишет о ней: «Елена Павловна была совершенно из ряда вон выходящая женщина... в смысле своего образования; она очень любила природу и весьма усердно занималась ботаникой. Будучи на Кавказе, она составила громадную коллекцию кавказской флоры с описанием всех растений и научным их

определением... бабушка научила нас читать, писать и внедрила в нас основы религиозности и догматы нашей православной церкви. Мой дедушка Фадеев находился под ее нравственным обаянием, так что главою семейства была всегда Фадеева-Долгорукая». К этому следует добавить, что после смерти своей старшей дочери Елены, она воспитывала двух ее дочерей и сына. Вот такая удивительная женщина и явилась инициатором первой саратовской Елки, которая устраивалась для детей, внуков и всех домочадцев. Мы взяли на себя смелость употребить слово «первая», так как не нашли сведений о более ранних Елках в родном городе.

«В зале нашего дома, вспоминает В.П. Желиховская, я, впервые, увидела рождественскую елку. Это была прекрасная богатая елка, кроме всяких сладостей, изукрашенная гирляндами зелени и цветов, искусно сделанных бабушкой из цветной бумаги и коленкору. Я онемела от изумления и восторга, когда, просидев целый день одна, наверху в детской, увидела ее еще издали, из коридора, среди зала, всю залитую светом!.. Много прекрасных игрушек нашли все мы, дети, под нею; подарки там были для всех: и для взрослых родных, и знакомых, и для прислуги.

Кроме свечей, горевших на дереве, длинный стол был опоясан, как огненным кольцом: весь он был унизан тарелками с лакомствами для дворовых людей и детей их, и в каждую, среди сладостей, была поставлена зажженная свеча. Прислуга постарше, все женщины и горничные девушки стояли в самом зале; остальные в передней и коридоре, и все получили подарки на праздники...».

Через несколько дней мемуаристка посетила с бабушкой, матерью, сестрой и двумя молодыми тетками Елку в доме саратовского купца Горова (купца с подобной фамилией в Саратове не было, видимо, идет речь о Горине). Визиту предшествовало церемониальное приглашение купца, приехавшего в дом Фадеевых просить губернаторское семейство «сделать ему честь» приехать, которая и была ему оказана.

Поездка вызвала у пятилетней девочки большое удивление и глубоко врезалась в ее память. В гости Фадеевы – Ган прибыли в шесть часов вечера в возке. Самую младшую – Веру, закутанную в шубу и обутую в теплые сапоги, лакей Петр внес в дом на руках и понес по ярко освещенной лестнице, вплоть до передней, где хозяйка и ее дочери помогали старшим раздеваться. Мемуаристка красочно описывает жену купца, «ее пестрое платье, синюю бархатную мантилью, серьги, множество колец и в особенности ее черные-пречерные зубы». Обычай чернить зубы, ведущий свое начало от XVI века и описанный Н. Костомаровым, был, конечно, не знаком девочке, воспитывавшейся в дворянской семье. Не меньшее впечатление произвела на нее и мать купца – старушка в темном платье, с головой по самый лоб, повязанной черным шелковым платком, которая спокойно, но неприветливо, нисколько не суетясь и без всяких улыбок, как хозяин и его жена, смотрела на гостей исподлобья и каждого встречала низким поклоном.

В большой комнате, которую хозяева называли «залом», уже собралось большое число детей – мальчиков и девочек со своими родными и гувернантками. Праздник начался с того, что отворилась дверь в другой зал, из которого слышалась музыка, и хозяин попросил всех пожаловать «в органную». Девочку «поразило зрелище блиставшего белого зала, залитого светом канделябров, люстр и сотен восковых свечей, горевших в середине комнаты на огромнейшей елке, которая до того густо была увешана, что ветки ее гнулись под тяжестью конфет и украшений. Чего тут не было! Какие прелестные бонбоньерки, шкатулочки, игрушки, фигурки и блестящие разноцветные гирлянды, и цепи из леденцов и золотых и серебряных шариков». У всех детей глаза разбежались от всего этого великолепия.

«Особенно красивыми были разные фрукты: яблоки, груши, апельсины, сливы и персики, прекрасно сделанные из сахара, и огромный пряничный дом, украшенный фольгой вместо окон, с шоколадными

дверями и миндальными ручками, который стоял на самой верхушке дерева. На елке были корзинки с цветами, уморительная обезьянка с блестящими глазами, которая поворачивала головой и хлопала в бубен, когда открывали ящик с конфетами, стоявший сзади нее, а также множество бонбоньерок.

Во все время, не умолкая, на хорах в глубине зала играл прекрасный, дорогой орган, – большая, заведенная ключом шарманка. Потому-то хозяин и называл эту комнату органной. Хозяйка, улыбаясь и непрестанно кланяясь, потчивала всех фруктами и вареньями, которыми был уставлен весь стол. Гостей подвели к елке и начали угощать и усердно просить рвать все, что угодно с елки. Дочери хозяина, вооружившись ножницами, начали срезать все хорошенькие вещицы и конфеты, прося гостей указать, что им нравится».

Для современного читателя не ясно, почему надо было «рвать все». Дело в том, что первые годы своего бытования елка стояла в доме всего один вечер. Когда догорали свечи, и пора была идти спать, детям позволяли «ощипать» украшенное дерево – сорвать с веток орехи, игрушки, конфеты. И сам детский праздник назывался не просто Елкой, как сейчас, а «Праздником ощипывания елки». Вот так «врывается» Елка в купеческую среду, консервативную по этикету, быту (что четко прослеживается по ее описанию мемуаристкой) и по традициям. Видимо, дерево таило в себе «реальное» волшебство, против которого было трудно устоять.

В середине XIX века рождественские и новогодние балы стали обычным явлением в среде саратовского богатого купечества, занимающего видное положение в городе. Так, в одном из своих писем в 1856 году жительница Саратова Екатерина Францевна Жегина (1831–1893) рассказывает, что на новогоднем балу к ней подошел городской голова Л.С. Масленников и посетовал: «Жаль, что нет мамыши (Анна Ивановна Шехтель), ее хотели просить быть хозяйкой бала». Купчиха А.И. Шехтель знаменита и тем, что является автором «Кухонных заметок», написанных на немецком и старонемецких языках, среди которых есть и рождественские

рецепты. Считаем не безынтересным привести один из них – немецкое рождественское печенье – Plätzchen: «3 белка сбиваются с 1 фунтом (400 г) сахару. Потом вмешивают туда же 1 фунт (400 г) толченого сладкого миндаля. Сок и цедру с одного лимона. Ложкой наложить на лист маленькими кусочками нечасто и печь» (цит. по: Мушта А. «Анна Ивановна Шехтель. Кухонные заметки 1881 г. Письма 1849–1857 гг.»)

В жизнь как повседневную, так и праздничную духовенства погружают нас вышеупомянутые воспоминания Екатерины Николаевны Пыпиной (1847–1933), записанные в начала 30-х гг. прошлого века ее внучатой племянницей директором Дома-музея Н.Г. Чернышевского – Ниной Михайловной Чернышевской. «В доме священника Гавриилы Ивановича был такой обычай: каждый праздник, а на Рождество и Пасху, особенно, со всех концов стекались к нему нищие и убогие... их принимали в девичьей, где для них ставились самовары и расставлялась всякая еда. Потом они оделялись пятаками, гривнами и т. п.». Екатерина Николаевна вспоминает: «Как проводили праздники? Чистили-скоблили несколько дней подряд, и разговоров было столько об этих праздниках... В сочельник варили кутью и узвар... Ёлки никогда не устраивали, я даже ни у кого из знакомых не видела, только слышала о них. А заманчивыми казались праздники потому, что в гости ездили, оживление было. Мы гадали (на Крещение), воск лили и что-то еще, но ничего особенного не выходило.

Интересно было на праздниках катание. Оно начиналось на Б. Сергиевской улице с трех часов дня и до ночи – вереница экипажей. Народу, конечно, видимо-невидимо, прислуги в воротах грызли семечки и глядели. А катались все купчихи, в сборчатых поддевках, воротники меховые до плеч, рукава мехом опушены... Лошади чудные, упряжь великолепная. И это все Святки до шестого числа... И каждый день все дворники должны были чистить ухабы, которые набивались от этого катания, прямо волны образовывались. Их сроят, а к вечеру они снова появляются».

На примере семьи протоиерея Г.И. Чернышевского можно видеть, что духовенство было замкнутым сословием. Так, в «Автобиографии» Н.Г. Чернышевский замечает: «Мы не были ни от кого зависимы, и никто из моих старших не был в близких прикосновениях с богатыми или знатными... В богатом барском доме обстановка была не та, какая была привычна моим старшим и их родне». Ему вторит Екатерина Николаевна: «К Гавриле Ивановичу часто приезжали нуждающиеся вдовы и дочери разных батюшек да дьяконов. Их принимали, кормили и спать укладывали; они жили несколько дней, и, удовлетворив нужды, уезжали». В данных отрывках речь идет о бытовой стороне жизни городского священника, но он дает представление и об укладе жизни всего духовенства.

Сельские священники в силу специфики своей службы были тесно связаны со своим приходом – в первую очередь – крестьянством. Помещики, в своем большинстве, не считали местного попа своей равней, не говоря уже о дьяконах и пономарях. Местные батюшки не только окормляли население деревень, но лечили, давали житейские советы, хлопотали за них перед властями и помещиками. Поэтому их авторитет до конца XIX века был непререкаем. При этом нужно отметить, что православное духовенство к рождественской елке относилось неодобрительно – притчи о младенце Христе и елке имеют позднее и явно протестантское происхождение, в канонических текстах ни ель, ни сосна не упоминаются (откуда им взяться в жарком Иерусалиме). Если обратиться к славянскому фольклору, то ель выступает как дерево, связанное с заупокойным культом. Неудивительно, что русские крестьяне не были охвачены елочным ажиотажем и украшенная елка для них, вплоть до XX века была барской забавой.

Можно предположить, что русская деревня не знала новогодних праздников до их повторного рождения уже при советской власти в 30-е годы прошлого века, когда началось их насильственное насаждение, но речь шла о новом социальном явлении – новогодней, а не рождественской елке,

устраиваемой с целью внедрения новых идеалов и ценностей в детское сознание, что однако нисколько не умаляло той радости, которую доставляли школьные и семейные праздники. Но об этом чуть позже.

Ценным источником по данной теме являются «Заметки и записки А.Н. Минхъ. 1877 и 1878 годовъ. 1879 годъ. Т. II. с. Полчаниновка», хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области и не опубликованные в настоящее время.

Прежде чем перейти к описанию рождественской елки в селе Полчаниновке, несколько слов об авторе «Заметок и записок...». Владелец усадьбы Александр Николаевич Минх (1833–1912) – известный саратовский краевед, один из учредителей Саратовской ученой архивной комиссии, член Императорского Русского географического общества, член Нижегородской, Тамбовской, Владимирской и других архивных комиссий, Саратовского губернского статистического комитета, член-корреспондент Министерства земледелия. После завершения военной службы Минх (фото 8) был мировым посредником Аткарского уезда, а с 1875 года – мировым судьей в Саратовском уезде. Из многочисленных произведений, принадлежащих перу нашего земляка (мы считаем его саратовцем по вкладу в политическую и культурную жизнь губернии), следует назвать следующие: «Историко-географический словарь Саратовской губернии», «Разбой и клады Низового Поволжья» и «Поездка в Пятигорск 1868 года». Последние два труда при жизни автора опубликованы не были.

Фото 8. А.Н. Минх

В 1873 году А.Н. Минх купил усадьбу Полчаниновка у купца А.М. Свиридова. Помимо того, что он превратил ее в образцовое хозяйство, он открыл в селе школу, о которой писал в 1879 году: «Наша Полчаниновская школа идет очень изрядно: в ней учатся в эту зиму 38

русских мальчика, 2 колониста и 6 девочек. Только с моим законоучителем попом Митрофаном не могу справиться: он почти не ходит в школу, страшно бестолков и рассказывает ученикам, что Адам с Евой в раю мотыжили яблоки и пахали огород». При всем моем уважении к мемуаристу, мне кажется необходимым привести здесь строки из ранее цитируемых воспоминаний А.И. Розанова: «... к сожалению, многое, что пишется о духовенстве, пишется односторонне, без знания дела, а иногда и с явным желанием унижить духовенство в глазах читающего мира». Ведь любой сельский батюшка не только учил, но он и окормлял паству, лечил и взрослых и детей, «работал» на духовных и светских чиновников, собирая для них сведения и составляя отчеты и многое другое. А потом попробуй Расскажи сельским ребятишкам, что Адам и Ева жили в раю, наслаждаясь обществом Бога и давая имена райским обитателям? Крестьянская жизнь, начиная с малолетства, состояла в постоянных трудах и заботах.

За 14 лет до описываемых событий Минх устроил школу в с. Колено (Аткарского уезда), о которой писал: «Я начал с лачуги, теперь же это училище с 80 учениками, чистое, просторное и состоит под покровительством государыни наследницы. Я не насиловал ни разу населения, а исподволь шаг за шагом шел к улучшениям, чего и добился менее чем в десять лет: дело шло неспешно, но зато верно».

27 декабря 1879 года для полчаниновских крестьянских детей была устроена Елка. Это была первая Елка в Полчаниновке. «Восторг мальчуганов и девочек», никогда ранее эту забаву не видевших, был огромным. Перед ними предстала наряженная сосна, так как елки в ближайшей местности не росли. Она была украшена «разноцветными бумажками, увешана конфетами, пряниками и покрыта множеством сверкающих свечей». Каждому ученику дали подарок и лакомства с елки, а в конце разрешили взять елку, которую они с торжеством и песнями понесли по улице.

Приведенный отрывок дает типичную картину того времени: беспокойство лучших представителей дворянства за российское образование и стремление украсить жизнь сельских ребятишек. Перед читателями предстает и колоритный образ сельского батюшки Митрофана, «образовывающего детей по собственному разумлению», которые от души радуются, устроенному им празднику.

Однако в историю саратовского краеведения Александр Николаевич Минх вошел прежде всего как автор исследования «Народные обычаи, суеверия, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губернии. Собраны въ 1861–1888 годахъ». За эту работу, изданную в С.-Петербурге в 1890 году, он был удостоен Императорским Русским географическим обществом серебряной медали. В данном издании автор уделяет большое место описанию крестьянских праздников, в том числе «новому году, Рождеству, под общим именем святки».

«Новый год¹ празднуется с вечера; дети собираются толпой на улице и подходя под окна затягивают монотонную песню таусень (смысл этого слова не знают):

Василий звездинъ

Таусень!

По морю ездил

Таусень!

Уронил перстень

Таусень!

Красная девица подай

Таусень!

Я бы рада подала

Таусень!

¹ В деревне 1 января называли Васильевым днем – днем Святого Василия Великого. С ним было связано много примет и обрядов. Чтобы весь год не знать нужды, в Васильев вечер надо было надеть новую одежду, накрыть обильный стол. А еще в этот день варили кашу, которую тоже называли Васильевой. По тому, какой она получалась, судили о будущем годе. Если она не получалась, ее выбрасывали в прорубь, чтобы нехорошее предзнаменование не сбылось.

На перине сижу

Таусень!

Тебе жемчуг нижу

Таусень!

Пышки, лепешки, свиные ножки

Таусень!

А вы не скупитесь и нам поделитесь!

Таусень.

Во время святок парни и девки наряжаются и ходят по дворам; наряженные называются святошниками; кроме того, парни и девки гадают. На Рождество в с. Колено (в 1860 г.) мальчики ходили «славить Христа», распевая по домам молитву: «Христос рождается, славите» ... и т.д.

Накануне Рождества в мордовских селениях Хвалынского уезда пекутся в честь коляды небольшие сдобные пироги, имеющие вид коника (коня); во время святок молодежь собирается в особую избу, где проводит вечера в игрищах, начиная с того, что сжигают нарочно изготовленное соломенное чучело; затем идут песни и пляски. У мордвы с. Оркина (Саратовского уезда) дети колядуют под Рождество и им подают лепешки, называемые “колядашками”...

На первый день Рождества малороссиянки с. Сокура, женщины и девицы, ходят вечером под окнами и поют следующую коляду (колядуют):

Нова рада стала

Якой небувало:

Над вертіпом зізда ясна

Весь світ осіяла.

Гдѣ Христосъ родівся,

Зъ Дъвы воплотився

Там чоловікъ предъ Богомъ

Пеленами повівся...

При этом хозяева дома выносят колядующим хлеб (паланицу), кренделя, пироги, колбасу и иногда деньги; колядование продолжается с 5 до 8 часов вечера, несмотря ни на какую погоду. Малороссами слободы Рудня Камышинского уезда на первый и второй день Рождества поется коляда, а под Новый год – щедрикованье, толпами молодежи и дивчат, с позволения хозяев. Которые дарят их хлебом, салом, деньгами и водкой».

В Саратовской губернии в XIX веке проживали не только мордва и малороссы, но и немцы-колонисты. О быте и традициях которых оставил воспоминания саратовский врач Петр Карлович Галлер (1858–1920) – первый профессор Саратовского Императорского Николаевского университета из поволжских немцев, чья биография достойна отдельного внимания (фото 9). Нас будет интересовать небольшой отрывок из его мемуара «Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX столетия (Мои воспоминания)», написанного в 1918 году и изданного в Саратове в 1927 г.

Фото 9. П. К. Галлер

«Особым почетом у колонистов-лютеран пользуются праздники Рождество, Новый Год, Пасха и Троица.

Празднование Рождества начинается с 5 часов вечера в сочельник. Именно в этот день не едят ничего до звезды или, правильнее до темноты; другие едят только рыбное, но так как рыбы в степных реченках мало, то этот обычай постепенно погас. С 5 вечера в сочельник начинается богослужение и все отправляются в церковь. Дома остается только одна взрослая, которая prepares праздничный стол. К 6 часам вечера все приходят домой и каждый из членов семьи получает подарок; детям даются прежде всего медовые пряники, изготовленные дома, орехи и несколько конфет... пережженный сахар, завернутый в кусочек белой

бумаги, которая далее завернута в цветную и из нее оттопыривается белая бумажка, на которой напечатаны две-три строчки какого-нибудь стишка или также сентенции, вроде: “Боюсь, брусничная вода мне не наделала бы вреда”. Позже появились плитки из такого же пережжённого и сильного смешанного с мукой сахара, даже на наш неизбалованный вкус были не вкусны, с наклеенной картинкой и подписью... Кроме того, каждый получал по несколько белых мятных пряников.

Взрослые получали такие же тарелки со сладостями, но, кроме того, кому-то попадалась еще трубка, или кисет, или перочинный ножик, материя на платье, головной платок и т.д.

Раздача подарков сопровождалась особой церемонией. Дети и взрослые собирались вокруг стола, на котором были выставлены подарки. Дети должны были спеть особый гимн... отворялась дверь и являлась одетая во все белое добрая Christkindchen – фея, которая заявляла, что проходя мимо, услышала пение добрых детей и поэтому пришла их приласкать, а дети должны были по очереди сказать заученный стих. Затем фея исчезала в ту же дверь и на смену ей вваливался, гремя цепями и с рычанием льва, одетый в вывернутую наизнанку шубу, злой дух, который требовал предъявить для наказания или пожирания лентяев или спящих очень долго или отлынивающих от посещения воскресного богослужения, не слушающих матери и т.д. Все со страхом и плачем кидались к юбке матери, которая успокаивала злого духа, пока тот не удалялся, гремя своей цепью. Только после этого открывался ваш рай и полная тарелка упомянутых сладостей поступала в бесконтрольное заведование каждого из нас. Кроме сладостей полагались еще игрушки: лошадка на колесах, палочка с конской головой и уздой; девочкам куклы, одетые в разноцветные платья, или только головки для кукол или не одетая кукла и т.п.

Елки появились только в конце шестидесятых годов и привозились из Саратова; в степи нет хвойного леса.

В этот вечер детей не могли рано уложить. Через полчаса или час — после раздачи подарков на столе появился ужин из праздничных блюд: жареный гусь, утка, поросенок с начинкой и т.п.

На первый день праздника дети обыкновенно посещают своих крестных и получают где конфетку, где пряник. Для взрослых с утра богослужение; после окончания проповеди, из церкви бежит хозяйка, чтобы приготовить всё к обеду, который готовится в ее отсутствие; после звона одним колоколом, продолжающегося всё время, пока пастор читает “Отче наш”, хозяйка спешит приготовить всё для подачи на стол; десять минут спустя начинается перезвон в оба колокола; это значит, что богослужение кончилось и все расходятся по домам. Тут же весь обед ставится на стол и приходящие тут же могут сесть за стол. Меню простое, но подается вкусное блюдо... Варится квашеная капуста с куском окорока, а в другом котле варится картофель... Каждый получает изрядный кусок ветчины, капусту и картофель сколько хочет... После этого делается сладкий суп с сушеными кусками яблока, вишнями, дулями. На ужин готовят мучное блюдо, например, варят колобки величиной в два кулака: их разрезают на ломти и съедают с разбавленным водою вареным арбузным соком.

Рождество празднуют три дня. Святок не бывает, ряженных не бывает и разве только девушки и парни до ночи толкуются на улице.

Новый год особым почетом не пользуется. Это гражданский праздник. Тем не менее, один день празднуется. Из соседней русской деревни приходят ребятишки с мешками и под предводительством старшего поют какой-то стих и во время пенья осыпают присутствующих смесью из пшеницы, гороха, ячменя. Их награждают сладостями и копеечками и они уходят в другую избу. Это, к слову сказать, единственный год в году, когда наши православные соседи, живущие за рекой в 100 сажень от нашей деревни, нас посещают».

Приведенные воспоминания П.К. Галлера поражают своей точностью и колоритностью описания. Появление елки в лютеранских колониях как

атрибута Рождества только в 60-е годы XIX века наводит на мысль о том, что немцы-переселенцы перебрались в Россию до того, как в Германии получили распространение Weihnachtsbaum, и Ёлка пришла к ним уже как «русская традиция».

Однако вернемся вновь в Саратов из сельской местности. Нас ждет описание рождественского праздника в доме городской интеллигенции.

В 2014 году была опубликована книга «История Подъяпольских. Пять поколений в XX веке». В исследование автор-составитель М. Раменская включила гимназический дневник Елены Петровны Подъяпольской (1895–1986), внучатой племянницы А.Н. Минха, которая вместе с родителями, сестрами Варей, Наташей, Олей, Екатериной и братом Сергеем (фото 10) жила в Саратове и училась в 1-й Женской гимназии Министерства Народного Просвещения. Отец девочки Петр Павлович Подъяпольский был знаменитым саратовским врачом-гипнотерапевтом и естествоиспытателем, а мать Варвара Андреевна (в девичестве Шмидт) происходила из купеческой семьи саратовских немцев-мукомолов. Сама Елена Петровна оставила заметный след как в истории Саратова, так и в отечественной истории. В 1921 году она окончила историко-филологический факультет Саратовского университета. После его окончания работала в Саратовском губернском архиве, с 1923 по 1929 год заведовала историческим архивом губернского (областного) музея, принимала активное участие в создании Саратовского краеведческого музея. В 1929 году переехала в Москву в Исторический архив Исторического музея, где и в настоящее время описание фондов делают по ее инструкциям и чтят ее имя. Елена Петровна была одним из составителей уникального издания – «Письма и бумаги Петра Великого», что сделало ее знатоком времени Петра I с европейской известностью.

Гимназический дневник Елены Петровны сохранился в архиве РАН [РАН. Ф. 1592. Оп. 2. Ед. хр. 50]. Перед нами запись от 22 ноября. Понедельник: «Скоро елка. В магазинах в окнах выставлены игрушки для

елки... дедушка Мороз с елкой, елочки, которых никто не держит, на них свечи и немного других украшений. Выставляют звезд, бумажных кукол, которых вешают на елку, и ужасно много других игрушек. Если с сегодняшним днем считать, то значит, 36 дней до елки, а без сегодняшнего дня 35 дней до елки». Дети также изготавливали новогодние игрушки накануне праздника. Мемуаристка так описывает этот процесс: «Мы брали от спичек коробки, оклеивали их цветной бумагой...но цветная папиросная бумага была ужасно тонкая и от этого всё просвечивалось – буквы и черные бока. Тогда мы взяли простую белую бумагу и сначала обклеивали белой, а потом уже цветной. Сегодня (29 ноября) я купила зеленую бумагу со звездочками, Оле тоже купила с Сережей».

Старшая сестра Варя делала цветы, а младшие дети завертывали второй раз конфеты в золотые бумажки и пряники нанизывали «на шерсть».

Сережа, Наташа, Варя, Оля,
Лена Подъяпольские

И, наконец, эти 35 дней прошли. «...горничная Рика пришла к нам, то есть ко мне, Наташе и Варе в комнату и сказала Варе, что пора идти в гимназию и отнести мешочки для сладостей. Но чтобы она не ходила через столовую. “Елка, Елка” – закричали Наташа и я... Я с Наташей одеваемся и вдруг вбегает Сережа и говорит: “Я видел елку”. А Наташа и я отвечаем: – Рика говорила, чтобы Варя не ходила через столовую. “Значит, елка, значит елка!” – закричали

мы. Сережа побежал в коридор искать иголки от елки. И крикнул нам, что нашел иголки... Когда мы все оделись, то сказали папе, что нашли иголки от елки. Но папа сказал нам, что нарочно посыпал иголки. Но мы всё равно не верили... Вечером папа пришел в детскую. И спросил Катюлю: “Ты никогда не видела волка?” Катюля говорит: “Нет”. “Ну вот, ты сегодня его

увидишь», – сказал папа и позвал с собой Олю и ушел. Катюле тогда было три года. Вдруг входят папа, мама, Софья Семеновна и волк. Это была Оля, наряженная в волка. На нее надели маску и поддевку. Поддевку вывернули, и вышел волк. Катюля испугалась, но, когда ей объяснили, она сама захотела нарядиться волчонком. Ей надели поддевку, а кто-то из детей надел маску и напугал будущего волчонка... После чая пришла Катя-портниха и все спрашивала, скоро ли зажгут елку. Наконец, нас повели в залу, и там стояла большая елка, вся светлая и блестящая. Потом мы начали разбирать подарки. Варя получила сундучок с конфетами, Наташа и я – фарфоровые фигурки. Сережа – барабан, Оля – чашечку с сюрпризом, а Катюля – гусей. Нужно было вертеть за ручку, и гуси качали головой, будто ели из ящика, который был там приделан. Кроме того, все получили книжки, а я – дневник в красивом переплете, этот самый, в котором я теперь пишу» (запись от 23 января 1904 года). Перед нами предстает трогательный детский мир – автору этих строк – 8 лет. Праздник, однако, не прошел без напастей. Чуть ниже: «Я больна и лежу в постели с 25 декабря, так что все Рождество пролежала в постели».

На Новый год в 1905 году была поставлена сказка «Спящая красавица», которую дважды показывали родным и знакомым. Помимо детей Подъяпольских в ней участвовала Варина подруга Сергеева, которой досталась роль ведьмы.

Гимназический дневник необычен не только тем, что сохранился – хозяйка сберегла его вместе со всем семейным архивом, включая письма к отцу Н.И. Вавилова (в 30-е годы прошлого века уничтожались и куда более «безобидные» документы), но и тем, что рисует совершенно «нетипичную» провинциальную елку. Елку наряжают, как и во всех тогдашних семьях, родители для детей в виде праздничного сюрприза, но делают это не в Сочельник, а 23 декабря. Елка – праздничная, но не рождественская: никаких «следов» ни православия, ни протестантизма, это при том, что

родственники матери – Шмидты каждый год устраивали праздники для детей своих работников с обязательным представлением, поставленным силами многочисленного семейства, и подарками всем присутствующим детям. Показательно и то, что новогодняя тема в Дневнике будет подниматься еще не раз. Записи охватывают период с 1904 по 1911 год. Стоит добавить, что все это время семья проживала в доме № 38 на М.-Сергиевской (теперь это часть улицы Мичурина), принадлежавшим Шмидтам, Варвара Андреевна, согласно воле отца, владела им, но не была его собственницей², причиной этого было недовольство родными ее браком. Дом сохранился и в настоящее время.

День 1 января в городе в учреждениях был «неприсутственным», а у школьников, реалистов и гимназистов в это время были в разгаре школьные каникулы. Вот как встречали этот праздник учащиеся 2-й мужской гимназии Саратова.

Решение об открытии этого учебного заведения Городская Дума г. Саратова приняла 21 августа 1896 года, 20 сентября 1902 года гимназия въехала в новое специально для нее построенное здание (фото 11).

Фото 11. 2-я Саратовская мужская гимназия

Прекрасные воспоминания о саратовском периоде жизни, в том числе и о годах обучения во второй гимназии, оставил ее ученик, ставший впоследствии писателем, Л.И. Гумилевский (1890–1976) – «Судьба и жизнь. Воспоминания», опубликованные в 1988 году в журнале «Волга» (№ 7–12).

Среди замечательных традиций 2-й гимназии был и праздник Нового года, сохранилось описание встречи нового – 1913 года. «Особенно

² Варвара Андреевна очень переживала, что в случае ее преждевременной смерти семья «останется на улице», однако судьба распорядилась иначе: после октябрьского переворота дом был национализирован, а его владелица умерла в Москве у дочери.

тщательно и с неизменной изобретательностью в гимназии готовились к встрече Нового года. Посередине зала устанавливалась огромная ель в 3–4 метра высотой, которую наряжали игрушками, подарками-шутками с сюрпризами. Стены самого зала украшались еловыми лапами, посыпанными снегом-ватой. В 6 часов вечера 30 декабря начинался праздник. Гостями на елке были приглашенные друзья гимназистов, родители и, конечно, ученицы женских гимназий.

Новогодний вечер начинался играми учеников и гостей. Затем ученики IV–VII классов исполняли под звуки оркестра упражнения с флажками, после которых устраивали небольшой перерыв: дети дошкольного возраста пили чай, а в зале осторожно отодвигали елку в угол, устраивали небольшую сцену.

Второе отделение открывалось литературно-музыкальной программой. Её готовили сами гимназисты, и каждый год это было что-то новое, не похожее на предыдущее. Вот программа 1913 года. Первым выступал хор учеников младших классов, который исполнял русские народные песни. После него литературно-музыкальный дивертисмент показали ученики пятого класса. Программу разнообразили «Китайский танец» и «Краковяк», а также так называемые «Силуэты» – наброски углем и мелом шаржей на преподавателей и учеников. Завершалось отделение комической сценкой на немецком языке с участием учеников 3–4-х классов.

Всё третье отделение было занято костюмированной постановкой какой-либо оперетты в сопровождении струнного и духового оркестров, затем по окончании постановки, все присутствующие спускались в столовую, где начиналось чаепитие с праздничными пирогами и тортами. В 10 часов расходились гимназисты младших классов, унося пакеты с подарками и сладостями.

Из зала выносили стулья, сцену, елку ставили на прежнее место. Оркестры усаживались в глубине зала, и по окончании трапезы начинался

бал для учеников и учениц местных женских гимназий, приглашенных на праздник. И лишь в полночь кончалось веселье».

1913 год был последним годом торжества Елки и новогодних праздников. В июне 1914 года началась война, получившая название в Европе Великой, а в России – Первой Мировой войны. В этой затянувшейся на долгие года войне главным противником Российской империи была Германия.

18 августа 1914 года появился указ о том, что «Государь Император Высочайше повелеть соизволил именовать впредь город Санкт-Петербург Петроградом», так как Санкт-Петербург было слово немецкое. Начались погромы немецких домов, магазинов, заведений, даже жгли товары с немецкими названиями. В соответствии с указаниями Казанского учебного округа на педагогических советах саратовских учебных заведений принимались решения об увольнении из числа учеников германских подданных, а с осени 1914 года был прекращен прием в них германских и австрийских граждан. Самые рьяные «патриоты» хотели даже запретить исполнять на концертах музыку Баха и Бетховена. Часть немецкого населения была интернирована в Германию. В Саратовском областном краеведческом музее сохранились «Мои воспоминания» П.А. Козлова-Свободина, в которых приводится рассказ о враче-немце Эммануиле Андреевиче Бонвиче, сорок лет лечившего детей и взрослых города Саратова: «В период первой империалистической войны некоторые жители немецкой национальности высылались из Саратова, и доктора Э.А. Бонвеча заподозрили в шпионаже. У него была реквизирована его лошадь. Ему пришлось, уже скомпрометированному, ходить по своим больным пешком, что для него было трудно. Пришлось ему оставить Саратов и уехать за границу, где он и умер. Подозрения на него так и остались нерассеянными. В Саратове он прожил и проработал более сорока лет и все это время пользовался большим уважением как специалист и как человек». При этом, как пишет его правнук Бернارد Бонвеч в своей книге «С Россией и без нее:

поиск семейных исторических следов», нуждающимся людям он оказывал помощь даже бесплатно.

Рождественские елки были объявлены «вражеской затеей», то есть, проще говоря, запрещены. В первую военную зиму их официально осудил Синод. Православная церковь и раньше не одобрительно относилась к ним. Исследователи приводят интересный факт о том, как в канун 1915 года немецкие пленные, которые лежали в одном из саратовских лазаретов устроили себе праздник с елкой. Никто им этого не запретил, все отнеслись с пониманием и даже помогли. Однако, когда об этом написали газеты, разразился скандал по поводу этого «вопиющего факта».

В июне 1916 года был создан специальный Особый Комитет по борьбе с немецким засильем, который следил даже за тем, чтобы население не разговаривало по-немецки. Практически исчезли из обращения рождественские поздравительные открытки, так как русские открытки в своем большинстве традиционно печатали в Германии по заказу крупных книжных лавок. Закончилась история «бромосеребряных», «плюшевых», «настоящих гравюрных с золотым обрезом» и других открытых писем.

Однако Рождество продолжали праздновать. Даже на фронте солдатам раздавали рождественские подарки, при этом елки были под запретом.

В советской России праздник претерпел большие изменения. Первоначально 7 января было нерабочим днем. В школьном музее первой гимназии сохранился уникальный документ – подлинная зачетная книжка ученицы саратовской 3-й советской школы II ступени IV класса «Б» Туровой Любви (фото 12), выданная накануне наступающего 1923 года – 28 декабря. На ее обложке указаны нерабочие дни, среди которых шесть советских праздников – «1 Января Новый год; День 9 Января 1905 г.; 12 Марта Низвержение Самодержавия; 18 Марта День Парижской Коммуны; 1 Мая День Интернационала; 7 Ноября День Пролетарской революции» и семь православных – «7–8 Января Рождество Христово;

7 Апреля Благовещение; 15–17 Апреля Пасха; 25 Мая Вознесение; 5 Июня Духов день; 19 Августа Преображение; 28 Августа Успение». Поражает смешение «советских» и православных праздников – среди которых два нерабочих дня – 7 и 8 января отводится учащимся на празднование Рождества.

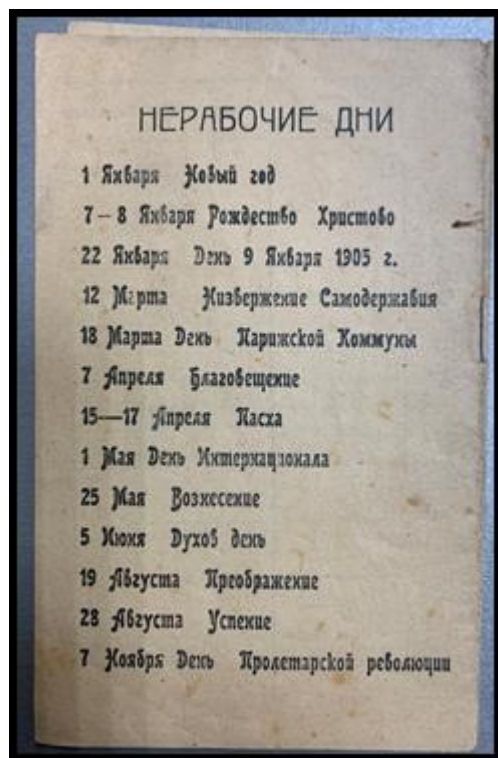

Фото 12. Зачетная книжка
Л. Туровой.

Утверждение системы советских праздников создавало обстановку временного хаоса. Официальная печать давала указания, как следует проводить советские праздники, и делались попытки заменить старые праздники новыми. Рождество советские власти пытались модернизировать и приспособить под свои потребности: в 1922 году была проведена кампания за преобразование праздника Рождества Христова в «комсомольское рождество», или «комсвятки», которые организовывались комсомольскими ячейками и в детских домах. Исследователь

Е.В. Душечкина в своей работе «Русская ёлка: История, мифология, литература» описывает эти трехдневные празднества и читатель, при желании, к ним может обратиться. Эксперимент, однако, был раскритикован в прессе как «не сыгравший существенной роли в антирелигиозной пропаганде».

С 1925 года началась плановая борьба с религией и с православными праздниками, результатом которой стала окончательная отмена Рождества в 1929 году. В сентябре 1929 года было принято Постановление ЦИК и Совнаркома СССР «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную

рабочую неделю»: в стране вводилась шестидневная неделя с одним выходным, который таким образом достаточно редко выпадал на воскресенье. Поэтому, как правило, 7 января было рабочим днем. В школах, вместо праздников Елки, стали проводиться антирождественские вечера», на которых ставились пьески, высмеивающие попов и церковь, пелись антирелигиозные сатирические куплеты и декламировались по теме вечера произведения. Нередко, чтобы отвлечь верующих от религиозных праздников,

региональные организации Союза воинствующих безбожников (СВБ) устраивали в такие дни свои оригинальные мероприятия. Например, 6 января 1930 г. в Сочельник перед Рождеством в Саратове прошел карнавал, организованный Нижневолжским краевым Союзом воинствующих безбожников. «Шествие с зажженными факелами двигалось по центральным улицам г. Саратова. Зевак было немало, однако и в церквях пустоты не

ощущалось» [ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 3. Д. 191. Л.1]. Видимо, к этому времени относится и фотография, хранящаяся в Саратовском областном краеведческом музее, на которой изображена большая группа детей на парадном крыльце и около него нынешней гимназии № 1 (фото 13).

На снимок наложен плакат с таким содержанием: «Безбожная Школа им. т. Ярославского». Для читателя поясним, Е.М. Ярославский (1878–1943) в описываемый период был председателем ЦС Союза воинствующих безбожников СССР и редактором журналов «Безбожник» и «Безбожный крокодил», а также главным вдохновителем кампании против

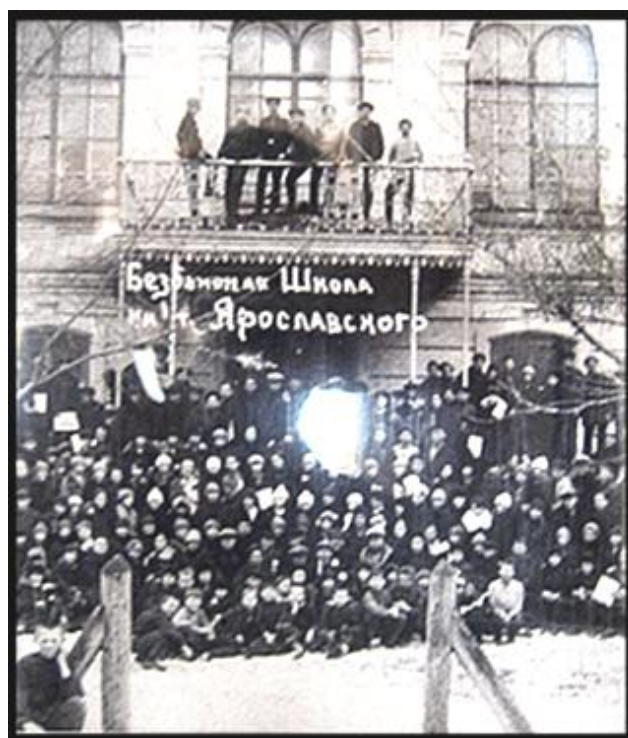

Фото 13. Безбожная школа
им. Ярославского

рождественских елок и инициатором отмены рождественского выходного, а также гонений на новогодние елки в СССР в 1929–1935 гг. в рамках антирелигиозной кампании. В фондах школьного музея гимназии № 1 сохранилось несколько детских прописей (фото 14), сделанных неумелой рукой школьника, с антирелигиозными предложениями. Вот текст одной из них: «Елку мне не надо. Мама не ходи в церковь. Мама ступай в клуб или в кино. Папа не пей вино. Мы раскололи икону. Наши ребята катались с горы на доске». В музее сохранился и другой удивительный экспонат – «Памятка для классного руководителя», изданная в Саратове в 1954 году совместно Саратовским областным отделом народного образования и Саратовским областным институтом усовершенствования учителей, в которой имеется раздел «Атеистическое воспитание». Среди рекомендуемой тематики мероприятий следующие: «Религия – враг здоровья; Общественный вред религиозных предрассудков и суеверий; «Рождество», его происхождение и классовая сущность» и др.

Таким образом, елка оказалась под полным запретом. В 1931 году ленинградский детский журнал «Чиж» поместил стихотворение Александра

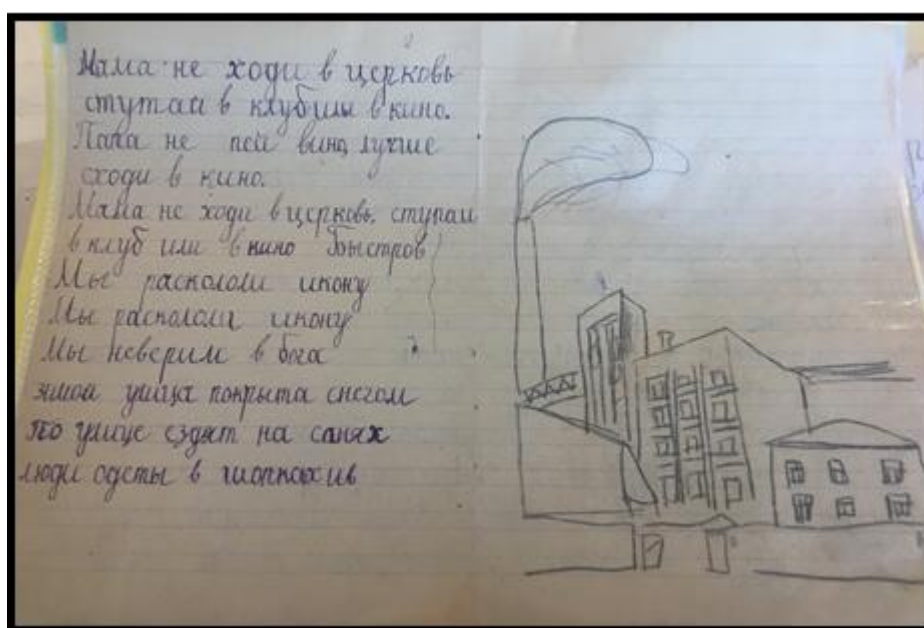

Фото 14. Школьная рукопись. 20-е гг. XX века

Введенского «Не позволим!»:

Не позволим мы рубить

молодую елку.

не дадим леса губить,

вырубить без толку.

Только тот, кто друг попов,

Елку праздновать готов.

Мы с тобой – враги попам,

рождества не надо нам.

Таким образом, для антиелочной компании, захватившей и детскую печать, были характерны беспощадная критика детского праздника как церковного праздника и своеобразная защита леса от вырубок елок.

Остались бы советские ребятишки без новогоднего праздника, если бы не новый поворот событий. В 1935 году 28 декабря в газете «Правда» за подписью П.П. Постышева была опубликована небольшая заметка: «Давайте организуем к новому году детям хорошую ёлку!» Никто не сомневается в том, что это не была личная инициатива партийного функционера, в то время Постышев был 2-м секретарем ЦК КП(б) Украины, кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), при этом следующий номер «Правды» за 29 декабря информировал читателей о телеграммах, в срочном порядке разосланных районным секретарям комсомола: «... рекомендуется под Новый год устраивать для пионеров и школьников елки как в школах, так и в детских домах, кинотеатрах и на катках». Предлагалось «организовать заготовку елок, закупку игрушек и украшений», а также сообщалось, что фабрики и заводы готовят для детей подарки к елке. Однако, как следует из напечатанного, елка называлась не рождественской, как прежде, а новогодней или просто – советской. Праздник потерял свой религиозный смысл, превратился в исключительно детский и впоследствии стал широко отмечаться как праздник наступления нового календарного года.

Следует отметить и еще одно большое отличие Рождественской и Новогодней елок. Центральной фигурой Рождественской елки был Богомладенец Иисус Христос, от имени которого и делались подарки. Теперь самыми главными символами Нового года стали добрый и великодушный Дед Мороз и его внучка Снегурочка. Их появление на советской елке отдельная и весьма интересная история, для нас важно то, что ни одна советская елка уже не могла обойтись без этих персонажей. Их часто сопровождали лесные зверушки: волки, медведь, зайчики, которые играли роли и как добрых друзей Деда Мороза, так порой и злых героев новогодней сказки, и тогда их надо было непременно выгнать с Елки. Был и такой вариант, когда по ходу праздника «злые» герои перевоспитывались. В архиве школьного музея находится подлинная фотография праздника Нового года в больнице города Аткарска в 1949 году (фото 15). На ней изображены мама дарительницы Татьяна Геннадиевна Палювиной и

Фото 15. Новогодний праздник в больнице
г. Аткарска 1949 г.

бабушка, которая в это время работала в больнице санитаркой. В последнем ряду групповой фотографии стоит Дед Мороз, а в первом ряду сидит мальчик, на груди которого надпись на прикрепленном к костюму плакате — 1949 год. Этот новогодний персонаж —

молодой Новый год был весьма популярным в 60–70-е годы прошлого века. В интернете есть воспоминания пользователя о том, что он «был мальчиком-новым годом в 2002 или 2003 в школе...у меня был золотой костюм и корона в виде цифр», встречается этот «помощник» Деда Мороза

и на поздравительных новогодних открытках. Однако он не прижился и полностью исчез к настоящему времени.

В нашей стране елки стали устанавливаться с 1935 года как обязательный атрибут Нового года прежде всего в официальных учреждениях, однако вопреки правительственной политике Новый год вскоре стали отмечали и как семейный праздник.

Изменились и новогодние украшения. Если в 30-е годы преобладали игрушки, дожившие от рождественских праздников, то уже перед войной появились ватные, картонные и стеклянные игрушки с советской тематикой и символикой. Возродилась и дореволюционная традиция самостоятельного изготовления игрушек, прежде всего силами детей: дома – с помощью родителей, в школе – под руководством учителей.

К сожалению, в нашем распоряжении нет воспоминаний саратовцев о довоенных Елках. Мы можем предположить, что они мало чем отличались от других советских Елок этого периода, но, к счастью, имеются описания «военных» елок.

Так, в фондах школьного музея хранятся воспоминания Кренделевой (Растегаевой) Галины Михайловны (1939 г.р.), записанные внучкой – учительницей начальной школы гимназии № 1 Борисовой Мариной Сергеевной. Из детских военных лет в памяти ее бабушки остался, конечно, праздник Нового года: «Рядом с нашим селом Крутец, Петровского района, располагался завод, мы малышами бегали туда и приносили золотую стружку для украшения елки, вырезали из кусочков бумаги флажки и фонарики, склеивали между собой колечки, и у нас получалась настоящая длинная гирлянда. Елка была всего лишь одна на всю деревню, и хозяева этой елки приглашали нас, детей, делали кульки и дарили их нам. А в кулках были настоящие подарки: жаренные тыквенные семечки, карамель и орехи».

Жительница Саратова Ольга Николаевна Серёжникова (1939 г.р.) новогодние военные елки не запомнила, хотя то, как ее мама-вдова возила

их вдвоем с сестрой на бамбуковых салазках в детский сад, она помнит. Светлые воспоминания перекрыли оставшиеся в памяти страхи при бомбежках города, стрельба зениток, расположенных на Соколовой горе (их домик находился как раз под ней), и ужас неосвещенного погреба соседей, в котором они прятались. Хорошо ей запомнилась школьная елка 1948/1949 года, причиной этого стала детская обида на жестокий поступок учительницы. Память сохранила ее имя, но мне не хочется его приводить. Заботливая мама сшила третьекласснице из марли костюм зайчика: белые штанишки, белая курточка и белая шапочка с приделанными длинными ушками. На беду ребенка, в класс привели приезжую девочку без костюма, неизвестно, почему раздели именно маленькую Олю: все ее одноклассники были в костюмах, может рост подходил. И ребенка повели на елку в детском лифчике с резинками и пристегнутыми к нему чулками, в нижних рейтузах до коленок, а сверху одели обычный школьный фартук. Почему на нее не надели платье девочки, которой отдали костюм зайчика, неизвестно. Нет предела человеческой жестокости. Запомнилась учительница и тем, что больно била детей линейкой. Вот такая «нерождественская» история. Иметь дома елку мечтал каждый ребенок и война была мечтам не помеха: сестры с соседской девочкой не оставляли попыток приспособить что-либо под елку. Став взрослыми, они со смехом вспоминали, как делали елку из веника. Однако эта попытка была отклонена, как не самый лучший вариант в отличие от истории, рассказанной моим мужем. Ну что же о вкусах не спорят.

В этом же 1948 году (а затем каждый год) в доме Сережниковых впервые была установлена елка, за которой Оля ездила с мамой на елочный базар, расположенный в сквере напротив Крытого рынка. Небольшую сосенку везли на салазках до трамвайной остановки, а затем на нем практически до дома на улице М. Горной. Этот ныне не существующий маршрут, связывающий площадь им. Орджоникидзе и улицу Челюскинцев, застала и я, на нем мне приходилось ездить на занятия музыкой в

саратовский Дом ученых. Здание, расположенное на углу Московской (Ленина) и Комсомольской, благополучно сохранилось. Трамвай ходил очень редко, но только на нем я могла доехать до дома без пересадки. Жили мы в районе площади Фрунзе, которой в настоящее время вернули ее историческое название – Ильинская площадь. Музыкальную студию я посещала в первой половине 60-х годов и елки в ее фойе и классах мне запомнились: это могли быть и елки, и сосны, богато и со вкусом наряженные стеклянными игрушками.

Своими воспоминаниями о раннем детстве и школьных годах со мной поделилась Нина Петровна Аркадакская (Егорова), учительница русского языка и литературы 19-й средней школы г. Саратова (с 1990 года гимназии № 1), ныне находящаяся на заслуженном отдыхе.

Нина Петровна родилась в городе Саратове 10 мая 1941 года в семье кадрового военного – Егорова Петра Александровича и домашней хозяйки – Егоровой Александры Ильиничны. Родители Нины часто меняли место жительства в связи с переводами отца, пока перед войной судьба не привела их в Саратов.

Нина Петровна помнит себя с раннего детства: самым ярким и неизгладимым осталось воспоминание о первой в жизни новогодней елке. В годы войны семья Егоровых жила в пятиэтажном доме на углу улиц Московская (Ленина) и Университетской в проходной комнате, через которую проходили соседи – Тетя Шура и трое ее детей – Витя, Тома, Маша. А дальше по коридору проживала другая семья с детьми подростками. Память не сохранила ни их фамилии, ни имен. Но Новогодний праздник 1944 года остался в памяти во всех деталях. 31 декабря в смежные квартиры постучался Дед Мороз – он был в шубе, меховой шапке, с белой бородой и только веселые глаза выдавали его юный возраст. Обомлевших детей он повел в соседнюю комнату, в которой стояла расчудесная красавица елка, наряженная и блестящая. Состоялся веселый праздник с хороводом, стихами, шутками, смехом и даже подарками – каждому

досталось по конфете с елки, два яблока, также снятые с дерева, были разрезаны поровну на всех. Так первое чудо и добро вошли в сердце ребенка.

Вторым чудом была картонная коробка, в которой хранились новогодние игрушки, прикрытые тканью и крышкой, что, однако, их не спасло: на крышке любил спать кот и часть стеклянных игрушек была раздавлена. Сохранились восковые и картонные украшения, стеклянные бусы и пакетики со «слюдой» – блестящими пластинками, которые рассыпаясь в руке, превращались в елочные блески.

О военных годах у мемуаристки, как ни покажется это странным, остались самые светлые воспоминания. Рядом с домом находились два военных училища, гауптвахта и военные казармы с клубом, в него все окрестные ребята ходили смотреть кинофильмы: маленькую Нину кто-нибудь обязательно брал на руки и ей непременно перепал кусочек сахара.

Доброта окружающих запомнилась и по угощениям соседки со второго этажа – тети Марфуши, которая работала в военной столовой и приносила косточки урюка из компота. Нина с помощью старшей сестры Вали колола их и ела, они были прозрачными и сладкими на вкус. Другая соседка – молодая женщина, живущая на 4-м этаже, угощала Нину свежими яблоками, которые спускала ей на нитке, один раз яблочко оторвалось, упало и раскололось ровно на две половинки, которые тут же были съедены. Не известно, кто был больше рад – соседка, одаривающая девочку, или сам ребенок.

После возвращения с войны отца, семья стала жить в многоквартирном доме на пересечении улиц Б. Казачьей (20 лет ВЛКСМ) и Астраханской. Дом был трехэтажным, к которому был настроен 4-й этаж. Здание располагалось в ограде бывшей Маминской церкви. Храм был освящен в честь иконы Владимирской Божьей Матери и носил в просторечье название по фамилии саратовского купца В.Д. Мамина, на

средства которого и был построен. При строительстве дома был использован кирпич разобранного храма. Во дворе было подземное строение, в которое вели толстые железные двери, попасть в него было мечтой дворовых мальчишек.

В квартире этого дома каждый год наряжалась елка, и это было обязанностью детей. Нина вместе со старшими сестрой и братом из картонок вырезала кошечек, собачек, снеговичков; из белой бумаги дети делали снежинки, а из разноцветной – гирлянды и флажки. На елку вешались мандарины, орехи в золоченой бумаге и яблоки.

Из дома на Казачьей девочка пошла учиться в среднюю женскую

Фото 16. Нина Егорова с родителями

школу № 1, располагавшуюся на Железнодорожной улице, в которой в годы войны находился госпиталь.

Школьницы еще долго находили в закоулках школы пузырьки от лекарств, шприцы и другие предметы

военного госпиталя. Однако послевоенный быт

налаживался, и школа зажила мирной жизнью с пионерскими сборами и комсомольскими собраниями, а также неременной школьной Елкой.

Но более всего Нине Егоровой запомнилась Елка в 1956 году, точнее новогодние праздники в течение целой недели, по несколько Елок в день, для работников Коммунального хозяйства и их детей. К этому времени относится фотография мемуаристки, где она изображена вместе с родителями (фото 16).

Предыстория этих праздников была следующей. За полгода до этих событий школьная подруга привела подростка в кружок, организованный

для детей хозяйственных служб города. Организатором его была Зоя Николаевна Радюк, занятия вели профессионалы: режиссер из местного театра, профессиональная балерина, баянист и др. Здесь и была подготовлена новогодняя программа. Ведущей должна была быть бойкая девочка по имени Инна, но она в последний момент заболела, и на роль ведущей назначили Нину. Задача была непростой: нужно было организовывать детей, ориентируясь в каждый раз меняющейся обстановке, импровизировать на ходу и при этом подсказывать слова не только кружковцам, но и взрослому участнику спектакля, бывшему артисту театра оперетты Матео, который забывал свои слова и просил: «Внучка, а что я должен говорить?». Со всеми этими задачами девочка справилась с честью. Юных артистов наградили традиционными пакетами со сладостями, Нина охрипла, а Матео получил денежное вознаграждение.

В этом году или годом позже был и такой эпизод в жизни школьницы. На заседании комитета комсомола рассматривалась кандидатура для поездки в столицу на Кремлевскую Елку – одобрение получила отличница Нина Егорова. Но поездка не состоялась: поехала другая девочка. Почему – Нине не объяснили.

Советские сельские Елки во многом были схожи с городскими, что подтверждают воспоминания сестер Веры Васильевны Ивановой (1939 г.р.) и Надежды Васильевны Марковой (1948 г.р.) – жительниц села Елань Ртищевского района г. Саратова

Маленькая Вера пошла в школу в 1946 году, на всю жизнь ей запомнились учителя начальной школы, уважаемые люди в Елани – муж и жена, коренные жители села – Николай Владимирович и Александра Яковлевна Черновы. Первая учительница Анна Алексеевна Барцева не только учила ребятишек читать и писать, но готовила ребятишек к Новогоднему утреннику – разучивала с ними стихи и песни, в том числе знаменитую песню Раисы Кудашевой «В лесу родилась елочка».

Маленькую Надю, которая пошла в школу в 1956 году, в начальной школе учили Анна Андреевна Волкова и Серафима Ивановна Евстигнеева.

Новогодний утренник проходил в школе, в домах елки в селе не устанавливались вплоть до 70-х годов прошлого века, так как вблизи деревни хвойники не росли (сосновые посадки появились в 80-е годы). А деревья, чаще сосны, привозили в школу и в клуб из лесов и посадок, что располагались на севере района – там деревья были в большом количестве, в том числе и хвойные.

Здание школы было небольшим, нынешнюю школу построили только в 1967 году, но детей в селе было много: иногда в параллели было до трех классов. Для младших учеников Елку устанавливали в самом большом классе. Наряжали ее самодельными игрушками, вырезанными из картона, сделанными из ваты и обклеенными раскрашенной бумагой; их изготавливали ученики на уроках труда: это были гирлянды, цветы, зайчики и домики. Одно такое яблоко со школьной елки хранилось в семье вплоть до внуков, которым и было подарено.

На утренниках учителя собирали детей с 1-го по 7-й классы. Ребятишки водили хоровод, пели песни, загадывали загадки и рассказывали стихи. Обязательно «звали» Деда Мороза и Снегурочку. Дед Мороз раздавал всем ребятишкам подарки в виде небольших кулечков, в которых были конфеты – горошки, ириски, подушечки и по 2–3 ореха. Откуда брались орехи в послевоенное время – остается загадкой. Родители тоже были не прочь побывать на елке у своих детей, но школа была маленькой и с трудом вмещала детей.

Для учеников 8–10-х классов устраивался Новогодний праздник. Подростки изготавливали новогодние костюмы, особенным вниманием пользовался цыганский костюм, видимо, потому что его было легко сшить из старой маминой юбки. Дед Мороз и Снегурочка были обязательными атрибутами праздника. Ежегодной была и новогодняя почта: ученикам раздавались номерки, и все писали письма с поздравлениями, и не только

ими, друг другу. Так, выражались первые симпатии и влюбленности. В ходе самодеятельного концерта раздавались призы – конфеты подушечки или ириски за лучшее прочтение стихотворения или басни, а также за лучшее исполнение песни. Надо отметить, что деревня была музыкальная: многие неженатые парни, да и мужчины играли на гармониях, в 60-е годы в селе был свой ансамбль духовых инструментов, а пели все без исключения. Мои мемуаристки вместе с матерью – Александрой Петровной Лысаковой составляли прекрасное трио; в их исполнении мне запомнились народные песни – «Лучина» и «У церкви стояла карета».

Ровно в полночь директор школы поздравлял всех присутствующих с Новым годом, школа закрывалась, и счастливые ученики «высыпали» на улицу, где продолжалось веселье: беготня, игра в снежки, «натираание» друг друга снегом. Часа в 2–3 ночи все расходились по домам, а если был сильный мороз, то и раньше.

Для взрослых обязательно организовывался праздник в клубе, на который некоторые родители брали своих детей. Помимо концерта, как правило, устраиваемого своими силами, проводились лотерея и танцы. Пьяных никогда не было, так как застолья не были принятыми в то время.

После войны, по воспоминаниям Серафимы Александровны Колосовой (1946 г.р.) елка праздновалась в школе обязательно. На нее приходила вся деревня, все детишки, от мала до велика. Праздник был для всех детей. Колхоз, где работали все взрослые, выделял деньги на подарки ребятам. После войны было очень трудно достать игрушки, поэтому детям дарили конфеты, пряники, яблоки и орехи. На елке дети выступали с новогодними номерами. В четвертом классе мемуаристка была Снегурочкой и участвовала в новогодней пьеске. Костюм ей сшила ее старшая сестра Юля, так как купить их было негде. Дошколята то же выступали, рассказывали новогодние стихотворения про Снегурочку и Деда Мороза... Также детишки водили хоровод возле елочки, пели, плясали.

Сама школа была в бывшем барском имении. В одной части здания жил учитель (на всё село был только один учитель начальных классов), в другой был зал, где и проходила елка. Елку украшали очень красивыми довоенными стеклянными игрушками, обязательно вешали стеклянные бусы, свечи (но для безопасности их не зажигали). Самодельными игрушками тоже украшали праздничное дерево. Например, игрушки делали из яичной скорлупы. Всё содержимое яйца выдували через маленькие дырочки в скорлупе. Та служила тельцем для игрушечных рыбок, петухов, птиц. Голова, ушки и хвост делались из раскрашенной бумаги. Делали бумажные гирлянды, серпантин, обязательно зал украшали флажками. Игрушки то же делали из бумаги. Также очень много было замечательных игрушек из ваты. Разных зверушек, Снегурочек и остальных новогодних персонажей делали из плотно-плотно сжатой ваты, раскрашивали и покрывали сверху лаком. Из ваты еще делали фрукты и ягодки, которые также удивительно блестели. Под елкой обычно стояли игрушечные Деда Морозы.

Дома колхозники обычно Новый год не праздновали. На праздник все приходили в школу. Однако елки ставили и дома. После занятий в школе ученики за елками ездили в лес на лыжах. Перед Новым годом во дворе могло стоять штук десять елей. Уже из них выбирали самую красивую и ставили в дом, которую тоже всячески завешивали самодельными украшениями. Сестра мемуаристки была замечательной мастерицей и всегда заранее готовила игрушки для украшения елки. Вырезали снежинки, делали гирлянды. В послевоенное время негде было купить подарки, поэтому всем детям они доставались от колхоза на школьной елке.

Рождество праздновали только в семейном кругу, но только верующие, а такие в деревне были. На Святках ряженые колядовали, девчонки гадали, «кричали» как жениха зовут под окном.

К сожалению, фотографий с сельской Елкой у рассказчиков не

Фото 17. Детский сад № 22 1958 г.

сохранилось, так как фотоаппаратов ни у кого в деревне не было.

Однако сохранились новогодние фотографии более позднего периода: на обороте дата 1958 год, детский сад № 22 (фото 17).

Это групповая фотография ребятишек в костюме зайчиков,

среди которых муж моей двоюродной сестры. На заднем плане стоит Дед Мороз. Удивительно, что на зайчиках не светлые костюмы, а темные, видимо, шили из того, что было под руками. Здесь стоит остановиться на таком интересном атрибуте Новогоднего праздника как маскарадность. Как писал Ю. Лотман, маскарадное переодевание в принципе противоречило церковным традициям. В православном сознании это был один из наиболее устойчивых признаков бесовства. Переодевание и элементы маскарада в народной культуре допускались лишь в тех ритуальных действиях рождественского цикла, которые должны были имитировать изгнание бесов и в которых нашли себе убежище остатки языческих представлений. Помимо фольклорного ряженья в России существовала и традиция дворянских маскарадов, проникшая, прежде всего, в быт имперской аристократии из Европы в XVIII веке. Таковы истоки, на наш взгляд, всеобщего детского переодевания на новогодней Елке, культивируемые советским правительством.

В советских детских садах желания родителей, тем более детей не спрашивалось: все мальчики были в костюмах зайчиков, а девочки — снежинок; сценарий праздника обязательно включал танец Снежинок, в костюмах Деда Мороза и Снегурочки были воспитатели, как тут не

вспомнить ряженных. В школе (в младших и средних классах) костюмы для детей также были практически обязательными, если не костюм целиком, то его часть – колпак, нос, накидка. Эта традиция переодевания так прочно вошла в жизнь, что с удовольствием наряжались и старшеклассники. И чем труднее был узнаваем ученик, тем большим был эффект удовольствия. Это явление носило характер стихийного маскарада, уходящего корнями в Древнюю Русь и язычество, когда каждый наряжался, кем хотел (в суровой реальности всеобщего дефицита – кем мог). И не сразу был узнан.

Свои новогодние костюмы вспоминает Марианна Яковлевна Васильченко (1957 г.р.). «Для новогоднего праздника мама собственноручно мастерила карнавальные костюмы. Отлично помню костюмчик Красной Шапочки с красной юбочкой, отделанной узким кружевом, и белой кофточкой. Тогда я училась в первом классе г. Энгельса, был 1964 год. А брату, который учился в третьем классе, мама соорудила костюм звездочёта: синяя шелковая мантия с наклеенными золотыми звездами. У него был красивый бумажный колпак и бамбуковая палка, украшенная лентами и мишурой. Я помню, как мы радовались нарядам и отплясывали летку-енку на школьном празднике.

Будучи школьниками младших классов, дети сами мастерили игрушки. Почему-то запомнились бумажные гирлянды и клоун, выполненный на основе яичной скорлупы. Был, кажется, и цыпленок из ваты. К сожалению, эти игрушки за давностью лет не сохранились, остались лишь воспоминания. В 60-е годы покупка елки считалась большой удачей, привозили их мало. Тем не менее, примерно до 11 лет, пока семья жила в доме бабушки, елку устанавливали каждый год. Какую же мы испытывали радость, наряжая дома елку. Некоторые игрушки были изготовлены в конце 30-х годов 20-го века: дирижабль, птички, дед-мороз непонятного происхождения, непохожий на своих сказочных собратьев. Было много стеклянных бус, шаров и гирлянд. Большой интерес представляли бумажные флажки со сказочными сюжетами. Их мы развешивали на одной

веревочке вдоль стены. И, конечно, большую радость нам доставляли игрушки, изготовленные в Германии. Их мы называли "заграничные". Их прислал наш отец из Харькова. С замиранием сердца мы доставали и красивую звезду, и Дюймовочек, и Айболита, и попугаев. Очень боялись их разбить. Обычно елка у нас стояла до старого Нового года, было жаль прощаться с ней. Была у нас и искусственная елочка, ее мы наряжали, когда не было "живой" елки».

С большой благодарностью и уважением вспоминаются авторы сценариев и массовики-затейники. Но об этом в мемуарах музейных работников.

После окончания исторического факультета Саратовского государственного университета я поступила на работу в Дом-музей Н.Г. Чернышевского, о чем благодарю судьбу в лице моей однокурсницы и подруги Ирины Пузанковой, ныне живущей в Испании. Я попала в среду, даже можно сказать, элиту интеллектуалов-гуманитариев, от которых многому научилась, не говоря уже о том, что приобрела верных друзей и соратников на всю жизнь. Двое из них, по моей просьбе, написали воспоминания о музейных новогодних праздниках в 80-е годы прошлого века.

Светлана Васильевна Клименко (1952 г.р.) до прихода в музей три года работала учителем в сельской школе в Саратовской области. Как она вспоминает: «в школе Новогодний праздник был самым любимым. Общешкольный вечер к этому событию обычно поручали подготовить ученикам 10-го, выпускного, класса. У младших классов были традиционные утренники с Дедом Морозом и Снегурочкой – чаще всего подготовкой занимались работники клуба сельского, всё там было вполне традиционно. Выпускники готовили всегда что-то необычное, хотелось, чтобы вечер запомнился и не был похож на предыдущие. В своем 10-м классе я постаралась увлечь ребят и девчат творческим отношением к делу, то есть ничего готового не брали, все интермедии сочинили сами. Героями

были персонажи разных сказок, всем хорошо знакомые. Ситуации, в которые попадали Красная шапочка, Серый волк и прочие герои, напоминали о реальной школьной жизни и актуальных проблемах. Совместно мы сочинили 4–5 интермедий, отрепетировали их, придумали костюмы, стилизованные и под сказку, и под реальную жизнь. В общем, вечер удался, все остались довольны. Учителя для себя ничего не устраивали в стенах школы под Новый год – это не было принято. В те годы вообще алкоголь не был разрешен, особенно в школах. Помню, на выпускном вечере, подготовленном родителями выпускников, шампанское налили в чайники, а водку – в банки от березового сока. И когда веселье стало чересчур бурным, всех поскорее выпроводили из здания школы, благо на улице было тепло по-летнему...».

С 1978 года мемуаристка начала работать в Доме-музее Н.Г. Чернышевского, в котором, как и во всех учреждениях Советского Союза, отмечали новогодние праздники. Она вспоминает о том времени: «Корпоративов мы не любили и относились к ним формально: собирали небольшой закусочный стол, выслушивали поздравление начальства, несколько романсов в исполнении солистов из консерватории или филармонии, выпивали – закусывали и расходились, довольные друг другом. Никаких отчетов об успехах и достижениях, слава Богу, не практиковали.

Иное дело праздники для детей. Сначала это были праздники для малышей сотрудников музея. В 1984 году в коллективе появилась Л.Л. Калинина, ранее работавшая в детском саду. Она и стала инициатором, организатором и главным исполнителем этого начинания. Помню, первый такой праздник состоялся в доме Н.Г. Чернышевского то ли в 1984, то ли в 1985 году. Калинина сделала его по образцу привычных ей утренников в детском саду, то есть нарядили елочку, взяли напрокат костюмы Деда Мороза и Снегурочки и встретили детей сотрудников по сценарию для детского сада (фото 18, 19). Главным действующим лицом

на этом празднике стала Снегурочка. В этой роли выступила сама организатор. У нее был не только опыт, но и артистические способности и искренность. К привычному сценарию она добавила небольшую экскурсию по дому 19 века, стараясь быть не только понятной детям 4–6 лет, но и привнесла какие-то моменты сказочные, волшебные. Получилось очень неплохо. Дети следовали за Снегурочкой как замороженные, внимали каждому ее слову и остались очень довольны. Раздача скромных подарков тоже состоялась».

Фото 18. Дети сотрудников Дома-музея
Н.Г. Чернышевского

Фото 19. Коллектив сотрудников Дома-музея
Н.Г. Чернышевского с детьми

К написанному С.В. Клименко мне хочется добавить колоритный эпизод из моей материнской жизни. Во время описываемых событий я родила третьего ребенка и сидела с ним дома. Двух старших дочерей одна из моих музейных подруг увезла на праздник, а другая привезла с него. Апофеозом восторга был приезд на следующий день Деда Мороза на музейном автобусе с подарками. При этом пытливая старшая дочь, которой было уже 7 лет, объяснила своей трехлетней сестре, что Дед Мороз не настоящий, так как у него не валенки, а ботинки, и вообще Дедов Морозов не бывает. Однако эта история имела продолжение: на другой день раздался истошный крик средней дочери, которая, стоя у окна, увидела, как из такси выходят прекрасно одетые Дед Мороз и Снегурочка. Старшая дочь была повержена в своей аргументации.

«В начале 1985 года, вспоминает Светлана Васильевна, музейщики въехали в новое здание с двумя залами – небольшим выставочным и просторным экспозиционным. То ли с этого, то ли со следующего года, кажется, начались праздники уже не только для детей сотрудников, но и для всех желающих – по билетам.

Изменился и сценарий. Теперь это была сказка, напоминающая сказки Андерсена, но с музейным наполнением и предметами из музейных коллекций. Больше не было Снегурочки и Деда Мороза – они только раздавали подарки в конце путешествия по сказочной музейной стране. Ведущей стала Фея Воспоминаний (всё та же Л.Л. Калинина). Основой была экскурсия на литературной экспозиции “Путешествие в страну Воспоминаний”, которую придумали Л.Л. Калининой и Д.Г. Сапожникова для детей 5–8 лет». Последняя, по моей просьбе, так описала эти события. «Экскурсия была игровым спектаклем, участие в нем принимали многие сотрудники, в том числе и зрители – в качестве невидимых работников сцены. Участвовать всем нравилось.

В эти годы случился настоящий бум музейной работы с детьми, музейная педагогика предлагала заново решать проблему музей – дети.

Откровенно сказать, детям в музее Н.Г. Чернышевского было скучно, трудно было говорить с ними увлекательно. А уж про пяти-восьмилетних и думать было нечего. Мы с Л.Л. Калининой имели опыт работы с дошкольниками, работой с малышами я занималась еще в музее им. Радищева, посему мы верили, что говорить с детьми такого возраста можно о многом. Известные опыты, первоначально в ГИМе, семинары под началом основателя музейной педагогики и ее главного энтузиаста Евгении Гавриловны Вансловой, были огромной поддержкой нашим безумным сочинениям. Калинина бывала на Всероссийских семинарах по музейной педагогике регулярно, я несколько реже. Главное, что выделялось в этой концепции – предмет, музейная вещь как хранитель памяти. Это позволяло строить знакомство с музеем через избранные экспонаты, открывая при этом свойства памяти каждого. Такая концепция легко воплощалась на базе исторического музея с широким диапазоном артефактов, но на экспозициях литературного музея структуру и сценарии музейных занятий пришлось разрабатывать самим. В нашем случае образ Волшебной страны Воспоминаний естественно рождался из использования интерьерных особенностей музейного вестибюля с широкой мраморной лестницей, кругового устройства экспозиционного пространства. Эффект волшебной таинственности усиливался разными деталями; вход на лестницу перекрывался занавесом из мерцающих, переливающихся, подвижных нитей елочного дождя, придумывались сценические выгородки, световые фокусы...

Ведущий в виде какого-то сказочного существа не был нашим изобретением, использовали множество персонажей, особенно часто привлекался Домовой.

В нашем волшебном пространстве хозяйкой была волшебница – Фея Воспоминаний. Ключом к тональности сценария были интонации сказок Андерсена, где вещи обладали голосами, памятью, были добрыми или злыми, глупыми или умными, ссорились и мирились, и рассказывали

истории про своих хозяев (фото 20). В страну Воспоминаний дети попадали с Феей Воспоминаний, сиречь Калининой в собственноручно сшитом ею чудном платье из остатков алых с золотых штор. Именно эта Фея удивительно точно, деликатно, убедительно создавала какой-то воздух сказки. Игра, а весь сценарий был игрой, и вправду захватывала детей. На экспозиции случались чудеса, сделанные вручную, ими

Фото 20. Новогодняя экскурсия по Дому-музею
Н.Г. Чернышевского

восторгались и родители.

Экскурсия, конечно, проводилась строго по заказам, ограниченной группой, и некоторое время не принимали заказов от классных руководителей, старались приглашать детей с родителями. Правда, спустя недолгое время, пришлось

вернуться к сотрудничеству с классами, и это было не очень правильно...

Сценарий Нового года для младших сохранял свою структуру на протяжении нескольких лет. Менялись участники, менялись способы того, как дети могли добраться до вожаденной елки и увидеть Деда Мороза, по-разному обстояли дела с подарками детям, но идея важности Памяти, которую хранят вещи, здесь, в музее-хранителе присутствовала всегда.

Начиналось всё в вестибюле. Дети собирались у лестницы. Там их ждала Тетушка Музеиха с толстой старинной книгой. Ее роль – привлечь внимание, заинтриговать, рассказать, где мы и что нам предстоит. Фея Воспоминаний ждет гостей, ее нужно вызвать. В книге Музеиха находит нужные волшебные слова, что-то типа “Крибле, крабле...”, всё это произносят ребятишки.

Первоначально на волшебные слова на площадке появлялась Фея. Приветствовала гостей, приглашала подниматься. Лестница тоже

приветствовала гостей, и если узнавала хороших людей, то начинала звенеть. На первом же шаге и в самом деле раздавался нежнейший звон, он сопровождал детей до площадки (в треугольник звонит зритель до сих пор). Здесь дети видели арку, перекрытую дымчатой полупрозрачной тканью, бывшей занавесью из мемориала. Чтобы войти, нужно было выполнить задания, так или иначе связанные с необходимостью вспомнить что-то вроде своего отчества, улицы, на которой живешь, закончить стихотворную строку. И тогда завеса начинала плавно заворачиваться за угол, так, сама по себе, медленно-медленно... (за леску в нижнем уголке ее тянула зритель) ... можно осторожно войти...

Год от году сценарий изменялся, появлялись новые участники, Фею в какой-то момент мы перестали вызывать на площадку, решили, что раннее появление нарушает волшебный посыл. По лестнице детей вела Тетушка Музеиха, действие на верхней площадке тоже вела она. Там могла обнаружиться ужасная Фея Забываха! Этот образ, воплощенный нашей сотрудницей Натальей Тарасовой, запечатлелся в памяти моей дочери и сыновей сотрудника музея Т.С. Конкиной, похоже, на всю жизнь. Забываха—высоченная модельная блондинка, в блескучем одеянии, в причёске с длиннейшим хвостом, на каблуках неимоверной высоты, с ярко-красными ногтями, образ совершенно неожиданный, что-то из “Королевства кривых зеркал”. Она варила зелье, размешивала в тазике для варенья блестящих змеек, и страшным голосом грозила память всякую уничтожить! Все всё забудут!

Перспектива была ужасной, и нужно было немедленно найти антидот. Как-то мы хором называли имена-отчества бабушек или дедушек? Помогло. Забываха отступала, и занавес пропускал нас. Был вариант сценария с Феечкой, ученицей Феи. Она вываливалась из каморки под лестницей растрепанная, всё забывшая и растерявшая. Вела детей наверх, совершала какие-то действия перед входом на экспозицию, всё путала, дети ее поправляли, и занавес открывался.

В экспозиции был апофеоз Феи. Иногда ее заставляли погруженной в глубокую думу возле огромного сундука, Сундука памяти. Она радовалась гостям, они пришли на праздник, и это она знала... Но вот на какой... Не будем огорчаться, сейчас мы вспомним... Говорила, что есть Сундук памяти, хранилище, куда уходит время, о том, как трудно бывает человеку самому сохранить всё прошедшее, как время норовит стереть всё, что было... К сожалению, не помню все фразы, в которых мы с Калининой всю эту идею выразили, но смысл был вполне внятен для детей. И про то, что вспомнить могут помочь предметы, вещи, и можно попробовать из сундука эту помощь извлечь...

И из сундука извлекался игрушечные стол и стул. Фея радостно восклицала, что теперь понятно: праздновать нужно так – будем выбрасывать из окна старую мебель! Ох, нет... Это праздник в Италии, так там поступают в первый день нового года...

Вторая попытка приносит расшитую тюбетейку с цветными ниточками по уголкам, чтобы ее можно было повесить. Опять не то, потому что это узбекские дети в ночь под новый год подвешивают тюбетейку в винограднике, а утром находят там всякие подарки, которые дарит вовсе дедушка Турахон. Да и новый год наступает здесь вовсе не зимой!

Третья попытка приносит елочную игрушку, и Фея объявляет, что теперь-то они знают, что искать. Она ведет детей из первого раздела периметра экспозиции, и в торцовой части обнаруживается застывшие в неподвижности фигуры в нарядах 1-й половины 19 в. За спинетом (и это тоже доставляли в экспозицию) сидит прекрасная Светлана Литвак («Трио-Соната»), неподалеку Оля (студентка СГУ, театр моды, кажется, так они назывались тогда) застыла в танцевально позе. Зазвучит музыка, менуэт, вопросы к барышням, есть ли на их празднике елочная игрушка. Ответ вежливый, но отрицательный. Несколько слов о маскарадах, балах. Фея уводит детей в последний раздел экспозиции, где встречает персонажей в

русских народных костюмах, запевающих колядки. На вопросы про елочную игрушку – несколько слов о традиции святочной. В момент почти отчаяния Фея выходит на площадку... и видит там маленькую елочку!!! Радость узнавания, на ступеньках – стрелки, ведущие вниз. В зале – елка, Дед Мороз, игры, часто народные, елка с записочками-заданиями... Дедом Морозом бывали и музыканты «Трио-сонаты», Владимир Скляренко со своим гобоем, и Скворцов, он активно использовал фагот, и муж Калининой, и ее сын.

Из подарков особенными были пряники имбирные, круглые, магазинные, но к каждому мы прикрепили серебряную звездочку, вырезали собственноручно. Выносили на подносах, получал каждый. Второй шедевр, я считаю, был сосновые шишки, посеребрённые. Позже, при массовости, каждая группа заранее приносила – или нет – свои подарки.

Вариаций спектакля было много, всякий раз Фея появлялась в иной ситуации. Однажды экспозиция была перегороджена огромной пустой рамой, в ней живой картиной застыла Фея, которая даже не моргнула ни разу, пока мы решали, как ее из картины извлечь... Должна сказать, что на артистическом обаянии и незаурядной способности к естественному общению с разной публикой, на идееноскости, как говаривал саратовский искусствовед Е.И. Водонос, на организаторском не только даре, но и азарте Л.Л. Калининой все эти спектакли и смогли воплотиться.

Далее к спектаклям стали привлекаться близкие по духу дружественные коллективы, и самое долгое сотрудничество связывало музей с театром «Балаганчикъ». В сущности, впоследствии новогодние праздники шли по их оригинальным сценариям. Благо, Елена Смирнова, автор и актриса, была филологом, и наши задачи понимала. И это уже было без наших доморощенных чудес, прекрасная профессиональная работа по мотивам народных праздников. Но елка была. И это уже другая история».

Далее рассказ о музейном бытии продолжает С.В. Клименко: «Новогодние праздники пользовались огромным успехом и у детей, и у их

родителей. Музейщики их тоже любили и жалели, что Новый год бывает только раз в году. Потом придумали празднества по народному календарю: масленицу, святки, кажется, что-то затеивали на Ивана Купалу – летом прямо на усадьбе это было очень удобно и приятно.

Вообще никого не смущал тот факт, что исторически вряд ли были какие-то гулянья в этом старинном доме, на усадьбе, в семье священники Г.И. Чернышевского. Особенно с наряженной елкой! Про Новый год, как мы точно знали из воспоминаний родных Чернышевского, примерно до 1860–1870-х годов и в мыслях не было, чтобы в семьях духовного сословия праздновали Рождество не так, как принято по традиции: никаких елок, Боже упаси, Рождественские дни проходили строго в соответствии с традициями из прежних времен. Застолья с блюдами традиционными, службы в церкви, визиты с поздравлениями родных и знакомых. На Святках катанье на сани с горки. Колядки тоже приняты не были. Члены семей священников вообще вели довольно строгий образ жизни: посещение театра не приветствовалось, балы и домашние вечеринки становятся разрешенными лишь к середине 19 века, когда Н.Г. Чернышевский уже стал женихом и основное назначение вечеринок состояло в выборе невест, знакомстве молодых людей друг с другом, а не в бесцельном веселье. Но это не мешало нам в работе с детьми разного возраста вспоминать фольклорные традиции и народные праздники. В конце концов у нас музей, а не дом священника.

В 2017–18 гг. в массовый отдел пришла О.В. Пальчикова. Она сочинила цикл занятий по календарным праздникам для подростков, студентов и взрослого населения. Это тоже были увлекательные путешествия – в costume, с использованием интерьеров дома Чернышевских и предметов быта. Одно из занятий – о Рождественских праздниках в соответствии с православными традициями. Однако рассказ о елке и сама нарядная елочка присутствовали – последняя не только в рассказе, но и визуально. Ведущая объясняла, что, когда и как изменялось в

традициях людей, в разные периоды живших в этом доме, на этой усадьбе. Пальчикова была талантливым рассказчиком, наделенным артистизмом, умом, чувством юмора, поэтому занятия пользовались популярностью у публики. Но это, конечно, штучные мероприятия, которые ушли из практики музея вместе с уходом автора-исполнителя».

Подводя итоги живописным рассказам мемуаристов, мне хочется сделать небольшие личные выводы. Наряженная елка с середины XIX века появляется как некий атрибут рождественских и новогодних праздников и радовала она, конечно, и взрослых, и детей. Но ребятишек в первую очередь. Праздник Новогодней Елки в дореволюционной России явление городское, при этом значительно различающееся по условиям, что я и попытался показать на основании мемуарных источников, и до начала XX века скорее явление исключительное, а не закономерное. Не последнюю роль в распространении новогодней елки сыграла постановка балета П.И. Чайковского «Щелкунчик» в Мариинском театре в 1892 году. По ходу представления огромная елка с игрушками начинала расти и становилась огромной. Отзывы о балете были разные, но поклонников его, видимо, было больше, чем тогда думали. Постановка шла непрерывно, постоянно обновляясь, в том числе и в 30-е годы прошлого века. Спектакль остался в репертуаре Мариинки навсегда и стал нередким явлением и в провинции.

Российская, точнее советская Рождественская елка перестала существовать в связи с атеистической идеологией советского правительства в 20-е годы прошлого века и возродилась как важная составная часть совершенно иного праздника – советского в 30-е. Смысл праздника изменился, но детская радость от веселья и скромных подарков осталась. Елке самозабвенно радовались сельские ребятишки – довоенное и послевоенное поколения, дошкольники и школьники 70–80-х годов. Современные дети с нетерпением ждут подарков от Деда Мороза дома, веселого праздника с одноклассниками, а в мечтах – поездки в Лапландию или хотя бы в Великий Устюг.

Меняется время, и Дед Мороз путешествует на фирменном поезде по всей стране, развлекая детей с помощью современных технологий, осваивает Интернет и городские площади. Так, в 2007 году на Дворцовой площади Санкт-Петербурга было проведено две акции: международная, на которой петербуржцев поздравляли финский Йолло-пукке, американский Санта Клаус, итальянский Баббо Натале и даже японский Хотейёшо-сан, и внутригородская, на ней вице-губернатор Санкт-Петербурга и губернатор Вологодской области присутствовали на открытии главной городской Елки на Дворцовой площади; «зажег» елку Дед Мороз. Церемония зажжения елки превратилась в светомузыкальный лазерно-пиротехнический спектакль, естественной декорацией которого стал архитектурный ансамбль Дворцовой (Россия: горячие новости. Вып. 23 дек. 2006 г.).

Фото 21.

Учащиеся 11 А класса гимназии № 1
встречают 2025 Новый год

Фото 22.

Гимназисты на
Кремлёвской елке в
Москве. 2025 год

Интересно и поведение нас – взрослых: мы стараемся, чтобы наши дети и внуки как можно дольше сохранили веру в новогоднее чудо и Деда Мороза и при этом идем на самые разнообразные «изобретения»: кладем детские письма Деду Морозу в морозильную камеру холодильника, бросаем их в почтовые ящики, переодеваемся в новогоднюю ночь или «заказываем» Деда Мороза и Снегурочку в городских службах услуг, ищем следы только что ушедшего Дедушки на снегу около подъезда и многое другое. Хочется верить, что Новогодняя елка будет радовать не только наших внуков, но и их детей и внуков, как она много лет радует учеников родной школы № 19, ныне гимназии № 1 (фото 21, 22).

Список литературы

1. Адоньева С.Б. История современной новогодней традиции // Мифология и повседневность. Вып.2. Материалы науч. конф.: 24–26 февраля 1999 года. СПб., 1999. С 368–388.
2. Беседы о прошлом (рассказы Е.Н. Пыпиной в записях Н.М. Чернышевской). Саратов, 1983.
3. Борисов С.Б. От Рождества к Новому году (на шадринских материалах) // Шадринская провинция: Материалы третьей межрегиональной научно-практической конференции 8–9 февраля 2000. Шадринск, 2000.
4. Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849–1911. М., 1991.
5. Галлер П.К. Воспоминания (Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX ст.). Саратов, 1927 // Geschichte der Wolgadentche.
6. Душенко К.В. Мифы XX века: дед Мороз и Снегурочка // cyberleninka. ru.
7. Душечкина Е.В. Русская ёлка: История, мифология, литература. СПб., 2012.
8. Душечкина Е.В. Русская ёлка: Pro et contra // cyberleninka. ru.
9. Ильина В.С. С Новым годом и Рождеством! Иллюстрированная история новогодних открыток. М., 2022.
10. Жвалевский А., Пастернак Е. Правдивая история Деда Мороза. М., 2013.
11. Желиховская В.П. Как я была маленькой // Желиховская В.П. Моя сестра – Елена Блавацкая. Правда о мадам Радда-Бай. М., 2017.
12. Заметки и записи А.Н. Минхъ. 1874 и 1878 годовъ, и 1879 годъ. Т. II. С. Полчаниновка // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739.
13. История Подъяпольских. Пять поколений в XX веке / автор-составитель М. Раменская. М., 2014.
14. История праздника Нового года // История России. Режим доступа: <https://istoriarusi.ru/dop/istoria-novogo-goda-v-rossii.html>.
15. Клименко С.В. О новогодних праздниках. Рукопись // Архив Е.А. Шишкиной.
16. Козлов-Свободин П.А. Мои воспоминания. Рукопись // СОМК. НВСП. 25652/2. Т.8.
17. Кренделева Г.М. Воспоминания. Рукопись // Архив школьного музея гимназии № 1.
18. Лотман Ю. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII –начало XIX века). СПб., 2017.

19. Максимов Е.К., Соломатина С.М. Вторая мужская гимназия // Ученые свет. Кем быть, или Образование в Саратовской области. Саратов, 2006. С. 99–113.
20. Минх А.Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян саратовской губернии. Собранные в 1861–1888 годах. С.-Петербург, 1890.
21. Могилевцев Г. Празднование новолетия в России // Журнал Московской патриархии. 1995. № 9–10. С. 74–76.
22. Раменская М.Е. История Подъяпольских. Пять поколений в XX веке. М., 2014.
23. Рождественская Елка. По страницам литературно-музыкальной хрестоматии Клавдии Лукашевич. М., 1990.
24. Розанов А.И. Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства // cyberleninka. ru.
25. Сальникова А. История елочной игрушки. Или как наряжали советскую елку. М., 2011.
26. Сапожникова Д.Г. Новогодние праздники в музее. Рукопись // Архив Е.А. Шишкиной.
27. Семикина С.А. Отражение истории советского периода в елочной игрушке // Новая наука: от идеи к результату: междунар. науч. период. издание по итогам Междунар. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: Агенство междунар. исслед., 2016. С 154–157.
28. Сто лет тому назад / автор-составитель Е. Ким. М., 2022.
29. Углик А. Новый год в России. История праздника. М., 2016.
30. Чернышевский Н.Г. Автобиография // Собр. соч. в 5 томах. М., 1974.
31. Шульга Е.В. Праздник новогодней елки в школах в России: век вчерашний – век нынешний // cyberleninka. ru.
32. Яковлева Ж.В. Организация Союза Воинствующих безбожников Саратовского Поволжья в антирелигиозной программе 1930-х гг. // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–2(27). С. 85–104.
33. [http:// diletant. media / ru/](http://diletant.media/ru/).

Новогодние открытки разных лет.

Из фондов школьного музея

Наши координаты: г. Саратов, ул. Мичурина, 88.
Тел.: 8 (8452) 23-69-69. Сайт: sargymn1.gosuslugi.ru
E-mail: sargym1@mail.ru